

Валерий Киселев

Заплачено кровью

Трагические события первого года войны

Валерий Киселев

**Заплачено кровью. Трагические
события первого года войны**

«Издательские решения»

Киселев В. П.

Заплачено кровью. Трагические события первого года войны /
В. П. Киселев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907183-5

25 июня 1941-го 137-я стрелковая дивизия выехала на Западный фронт и под Могилевом вступила в бой против 2-й танковой группы Г. Гудериана. Через 4 месяца из третьего окружения вышли 806 человек. Из 14 тысяч, выехавших на фронт... Дивизия за год войны ни разу не была отведена с фронта, сражалась на важнейших направлениях фронта. Горькая, трагическая правда 41-го года, драматические судьбы бойцов и командиров...

ISBN 978-5-44-907183-5

© Киселев В. П.
© Издательские решения

Содержание

1. «В строй – с июня, в бой – с июля...»	6
2. «Смерть на войне обычна и сурова...»	26
3. «Ты помнишь, Алёша...»	46
4. «Мы мёртвым глаза не закрыли...»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Заплачено кровью Трагические события первого года войны

Валерий Павлович Киселев

© Валерий Павлович Киселев, 2018

ISBN 978-5-4490-7183-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

25 июня 1941-го сформированная в Горьковской области 137-й стрелковая дивизия выехала на Западный фронт и вскоре, под Могилевом, вступила в бой против наиболее сильной группировки Вермахта, 2-й танковой группы Г. Гудериана. Через 4 месяца из третьего окружения вышли 806 человек. Из 14 тысяч, выехавших на фронт... В архиве дивизии почти не осталось документов за лето 41-го, но за четверть века работы автор разыскал и опросил более 380 ветеранов дивизии, прошел пешком весь ее боевой путь. Так удалось вернуть из небытия героические и трагические судьбы бойцов и командиров дивизии в первый год Великой Отечественной, раскрыть много тайн и загадок самого тяжелого периода войны на одной узкой полоске огромного фронта.

1. «В строй – с июня, в бой – с июля...»

– Командир, а, командир... Товарищ лейтенант! – перешел на официальный тон красноармеец Новиков, заметив, что у спящего взводного дрогнули ресницы. – Станция. Разрешите за кипятком сбегать?

Лейтенант Валентин Вольхин посмотрел на часы: «Уже четвертый...». В проеме вагона светало.

Надев пилотку и подтянув ремни, Валентин шагнул к двери вагона. В нос, как и на всех станциях, где останавливались воинские эшелоны, ударил крепкий запах мочи. Бойцы его взвода спали вповалку, некоторые негромко похрапывали. Вторые сутки слушал Вольхин перестук вагонных колес, привык, и тишина уже казалась странной. Где-то в голове эшелона запыхтел паровоз, на соседних путях раздался легкий и протяжный перестук вагонов – шла сцепка. В вылезшей из-под соседнего вагона фигуре Вольхин узнал командира полковой батареи сорокапятков лейтенанта Бориса Терещенко.

– А ты что не спишь? – спросил он. – И здесь уже бомбят, надо же. В Брянске мы, оказывается. Наверное, долго простоим: впереди пути ремонтируют.

– Если из Москвы на Брянск повернули, то скорей всего на Украину повезут, как думаешь? – спросил Вольхин.

– Кто знает... По мне, лучше бы туда, может быть, через Полтаву поедем. – У Терещенко там жили родители. – Из Брянска на Полтаву не попадешь... – с сожалением подумал Борис, вспомнив карту. – А помнишь, вчера в Москве, когда к нам товарищ Щербаков подходил, я его намек так понял, что мы в Белоруссию едем.

– Станет он тебе намекать! Просто так сказал, и все. А думаешь, он знает, куда мы едем?

Но в голове у Вольхина тоже сидела эта случайно оброненная Щербаковым фраза: «Ну что, выдержат сапоги Пинские болота?» – «Пинские! В Белоруссию направляют!» – мелькнула тогда мысль. Но Щербаков, конечно же, хотя и был секретарем ЦК ВКП (б), вряд ли знал, куда направляется их дивизия, если об этом не знали ни начальник эшелона, ни командир полка.

Из-под соседнего эшелона показался бегавший за водой Новиков. В руке он держал ремень, на нем болталось с десятков солдатских фляжек.

– Быстро ты. Недалеко, значит, вода? – спросил его Вольхин.

– Вагонов через пять пролез. Товарищ лейтенант, тут в эшелоне немцы пленные, в теплушке. Пробегаю – слышу, говорят по-немецки, да так громко, я даже обмер. Часовой сказал, что это летчики. Я заглянул в вагон – ну и морды...

– Залезай скорей, стоишь тут без ремня, вон ротный идет.

– Вольхин! Это у тебя люди бегают? Почему часового не видно? – сердито спросил подошедший командир роты старший лейтенант Цабут, подтянутый крепыш с кривыми «по-кавалерийски» ногами.

– Первухин! – громко крикнул Вольхин.

– Здесь я, товарищ лейтенант, – выглянул часовой из вагона.

Вольхин сел на пол вагона. Спать уже не хотелось, да и совсем рассвело. «Эх, ведь собирался записывать впечатления», – подумал он и достал из планшета записную книжку. Вдохнул глубоко, задумался, стараясь привести в порядок впечатления последних дней.

Всего лишь неделю назад плыл он на прогулочном теплоходе в Васильсурск, начинался отпуск после экзаменов в школе, где он работал учителем математики, и вдруг на тебе, война. «С корабля на бал», – с горькой иронией подумал Валентин и вспомнил, как он слушал на пристани выступление по радио наркома иностранных дел Молотова, все стараясь связать его слова о начавшейся войне с заявлением ТАСС от 14 июня. В голове тогда только стучало:

«Война... Но как же так?». С пристани он, не заходя домой, побежал в военкомат. Последние два года его частенько призывали на сборы, как лейтенанта запаса.

Сейчас он с трудом вспоминал подробности этого первого дня войны. В военкомате принял по списку бойцов своего взвода. Потом через кремль спустились в Красные казармы и там получили снаряжение и оружие. Когда принесли ящики с винтовками, он понял, что дело серьезное и, видимо, надолго. Это пока все переодевались в военное, была надежда, что все образуется, их немного поддержат, пока правительства СССР и Германии ведут переговоры, и отпустят домой.

Вечером удалось сбежать проститься с матерью. Ночевать предстояло уже в казарме. Мать была удивлена, увидев сына в форме, и никак не хотела поверить, что завтра возможна отправка на фронт. Вспомнились ее растерянные, заплаканные глаза, казавшимися тогда лишними и даже обидными слова: «Будь осторожен, береги себя, береги себя, сынок». Он не чувствовал ни страха, ни растерянности, была, наоборот, мальчишеская радость, что едет на фронт одним из первых. Никогда еще он с такой гордостью не надевал военную форму.

С утра на второй день войны их 771-й полк начал погрузку в эшелон. Несколько часов заносили в вагоны ящики со снарядами и патронами, дружно, с матерком и смехом, втаскивали на платформы новенькие сорокапятки, заводили туда же упиравшихся, нервно ржавших приписных лошадей, пригнанных из ближайших колхозов. С удивлением, что даже это было кем-то заранее предусмотрено, нагрузили для лошадей два вагона прошлогоднего прессованного сена в тюках.

В первый день, когда взвод только получил обмундирование и все сели его подгонять, стараясь держаться вместе и не смешиваясь с другими, Вольхин, как приказал комиссар полка, опросил своих бойцов: кто, где и когда родился, кем работал. Но в тревоге и сумятице первых дней запомнить удалось не всех, сначала и в лицо путал. Почти все, прибывшие из запаса, оказались уроженцами Павловского района. В основном колхозники, мужики серьезные, семейные. Многие жалели, что уезжают на фронт и не успели накосить дома на корову. Вольхин обрадовался, что одно отделение у него будет кадровое. Командовал им сержант Олег Мухин, москвич, парень интеллигентной внешности, как узнал потом Вольхин, студент МИСИ. На призывном пункте он увидел много знакомых лиц по сборам осенью и весной, попросил капитана Шапошникова, начальника штаба полка, разрешить ему отобрать во взвод знакомых, тот согласился, и теперь у Вольхина два командира отделений были его старые товарищи, дважды бывшие с ним на сборах, сержанты Фролов и Вертьянов. Оба усачи, только один черный, другой белый, замечательные, проверенные ребята, на которых всегда можно было положиться. Кроме этих двоих, во взводе были еще пятеро из его взвода с осенних сборов. Вольхин тогда подумал, что лучше уж взять людей, которых он знает, чем каких дадут, если есть возможность выбирать.

Хотя все они были недавние штатские, почти одноклассники, он не боялся теперь панибратства, как перед первыми сборами. Тогда он, недавний студент, стеснялся командовать людьми, давно отслужившими в армии. На первых сборах он еще неуверенно подавал команды и боялся ошибиться, сейчас чувствовал себя перед строем вполне уверенно. Да и сама военная форма как-то быстро подтянула людей. Его бойцы из приписного состава отличались от кадровых только новым, не обмятым обмундированием, а пилюльки на всех сидели даже изящно, «как пирожок», по любимому выражению их ротного.

О начавшейся войне во взводе, даже когда садились перекурить, не говорили. Вольхин понял, что эти мужики еще просто не осознают, что их ждет, и какая она будет, эта война.

Когда их полк шел на вокзал на погрузку и на тротуарах стояли толпы людей, лейтенант Вольхин думал только о том, что надо хорошо пройти, показать себя не бывшими штатскими, а настоящими бойцами. Не было тогда в голове никаких других мыслей. Он шел, по-строевому печатая шаг впереди своего взвода, слыша только четкий топот сотен ног по асфальту.

Лица людей по сторонам как-то слились в своей пестроте. На мосту через Оку, когда впереди вдруг грянул обжигающий сердце марш «Прощание славянки», Вольхину нестерпимо захотелось оглянуться на город. На ходу он повернулся, запоминая этот миг: зеленые откосы, как игрушечные домики, церковка, кремль на горе и серо-зеленая лента словно выходящего оттуда полка. «В последний раз вижу», – мелькнула тогда мысль. И настроение сразу упало до обычного, оказалось, что и лица людей на улицах были вовсе не торжественные, какими ему их хотелось видеть.

На второй день после начала войны, когда к одному из его бойцов пришла попрощаться мать, Вольхин, увидев на ее лице слезы, сказал: «Ну, что вы, мамаша, через два месяца мы на Ла-Манше будем!». Тогда он не понимал, что сказал явную глупость. Германия – это не Япония или Финляндия, всю Европу подмяла под себя. «За два месяца, пожалуй, все же не справиться», – скоро понял Вольхин. Да и в сводках Информбюро уже на третий день зазвучали тревожные нотки. В голове началась явная путаница. Вольхин, впрочем, как и все, пока еще успокаивал себя тем, что Гитлер напал внезапно, вот Красная Армия мобилизует все свои силы и война пойдет по-другому, действительно на чужой территории, иного хода войны он и не допускал.

Вольхин своими глазами видел всю силу их полка, а ведь это один полк, сколько же их сейчас поднимается по всей Красной Армии! Он был полностью уверен и в своих бойцах, и в самом себе. Еще год назад, действительно, какой он был командир, а теперь – есть кое-какой и опыт, и навыки командирские, хотя и приобретенные не на войне или в училище, а на двух сборах, по месяцу каждый. Война представлялась ему, как большие учения с боевой стрельбой, а то, что и противник тоже будет стрелять и наступать, еще не приходило в голову.

Вспомнились Вольхину и проводы их полка на фронт. Народу не было, не считая ребятишек, облепивших привокзальные заборы. «Чтоб без лишних слез, правильно», – заметил он тогда. Не было и оркестра, но все равно чувствовалась торжественность момента. Впервые тогда увидел Вольхин товарища Родионова, первого секретаря обкома партии. С командованием дивизии он медленно обошел строй полка, задумчиво вглядываясь в лица, словно стараясь их запомнить. Митинг был кратким, и это всем понравилось. Ни к чему сейчас было говорить много слов, и так всем все было ясно: война, вот главное. И воевать надо смело и добросовестно – это понятно было каждому. А хорошо он сказал, все же действительно один раз наш город, тогда Нижний Новгород, всю Россию спас. И о пролетарских традициях сормовичей сказано было сильно. Народ в полку подобрался надежный, рабочий, с трудовой закалкой и воспитанием от дедов и отцов.

Когда тронулся эшелон, все посмотрели друг на друга совсем другими, как-то сразу посерьезневшими глазами. Сначала смотрели из дверей вагона на город, потом, когда начались пустые поля, говорить расхотелось даже тем, кто перед посадкой в сумятице успел сбегать к киоскам на перроне, выпить по стакану красного вина, «на посошок». Когда поезд набрал скорость, всех дружно потянуло на куруево. Вольхин достал из вещмешка «Как закалялась сталь», захваченную из дома, собирался читать своим бойцам по дороге, но повертел ее в руках и положил в мешок: «Не тот момент, надо всем побыть с самим собой, проститься мысленно с домом».

Лейтенант Вольхин полистал свою записную книжку, с сомнением подумал, что вряд ли удастся исписать ее хотя бы наполовину, и написал всего одну строчку: «25 июня – отъезд на фронт».

Эшелон дернулся и стал медленно набирать ход. В проеме двери поплыли вагоны соседнего состава, потом понеслись телефонные столбы, промелькнули опоры моста. Вольхин вспомнил, как вчера на какой-то станции напротив их эшелона остановились платформы, забитые ранеными. Было ужасно видеть и понимать, что раненых уже так много, что для их перевозки не хватает обычных санитарных, пассажирских вагонов или хотя бы теплушек. Кто-то

из раненых, подняв перебинтованную почти черную от грязи и засохшей крови руку, крикнул: «Вот как нас немец встретил!». Когда платформы с ранеными тронулись и стали набирать ход, из эшелона их полка, спешившего на фронт, прыгнул человек, Вольхин успел заметить, что это какой-то лейтенант-запасник. Когда этот лейтенант стал забираться на платформу, кто-то из эшелона выстрелил ему в спину из винтовки. «Неужели среди нас есть такие тусы и него-дзяи... – с ужасом подумал тогда Вольхин. – Хотел спрятаться среди раненых...».

– Командир, шесть часов скоро, – вывел Вольхина из раздумий дневальный. – Подъем объявлять?

– Конечно, не к теще же едем.

– Взвод! Подъем! Хватит спать!

– Ну, чего орешь, не в казарме, – не поднимая головы, пробурчал один из лежащих.

Но все уже зашевелились, закричали.

– Опять едем? Где хоть?

– Брянск проехали, – сказал Вольхин.

– Подъем... У нас на срочной в роте два азербайджанца были, – наматывая портянку, начал рассказывать красноармеец Морозов, по прозвищу Савва, за каких-то два дня ставший самым заметным во взводе за редкую общительность и веселый нрав. – Старшина закричит: «Подъем! Вставай!», а они спросонья: «Куда пойдем? А-а, в столовой...». Костя, оставь покурить, – бросил между делом Савва, заметив, как кто-то с утра пораньше задымил. – Курево надо экономить. Хотя, с другой стороны – кто знает, сколько нам еще доведется на этом свете дым пускать...

Начались обычные утренние солдатские разговоры, и Вольхин шагнул к двери вагона, провожая глазами поля с начинавшей слегка желтеть рожью, перелески, деревеньки вдалеке. – «А природа такая же, как и у нас»...

Начальник штаба 771-го стрелкового полка капитан Шапошников так и не смог уснуть, пока их эшелон шел ночью от Москвы до Брянска. Нервное напряжение последних четырех дней не спадало. Александр Васильевич приказывал себе спать, но сон не приходил. Снова в который раз за ночь в голову лезли одни и те же мысли: «Что еще не сделано для подготовки полка, как будем вступать в бой?».

Рядовой состав в полку подобрался хорошо подготовленным, из запаса пришли в основном молодые мужчины, еще не забывшие армейской дисциплины. Более восьмисот человек прибыли из Павловского района – металлисты, колхозники. Хотя это был все же далеко не тот полк, что летом сорокового года. Тогда на показательных учениях, которые проводил сам нарком обороны маршал Тимошенко, полк так себя показал, что командование округа приняло решение передать его личный состав на формирование одной из частей Московского гарнизона. Для формирования нового полка оставили лишь командира, замполита, начальника штаба, да личный состав тыловых и специальных подразделений. Всеми правдами и неправдами Шапошникову удалось тогда часть лучших командиров и сержантов перевести в тыловые подразделения, временно, конечно. Когда началось переформирование полка, у него, по крайней мере, было, на кого опереться, хотя бы не с пустого места начинать работать. А с пустого места формировать этот же полк ему за последние полтора года пришлось даже трижды. Сначала в Сормове, потом в Арзамасе, оттуда переехали в Чебоксары. Пробыли там недолго, но все равно весь командный состав полка был избран депутатами горсовета. Впрочем, всем им было тогда не до исполнения наказов избирателей. И в Чебоксарах личный состав полка был обновлен полностью.

За зиму сорокового года полк снова был укомплектован до штата мирного времени и быстро вошел в ритм армейской жизни. Скоро в штабах пошли разговоры, что их дивизию переформируют в парашютно-десантную, парторг полка Алексей Наумов, обрадовавшись,

первым прыгнул с парашютом, организовал прыжки сначала добровольцев на аэродроме под Богородском и успел, опять первым, получить знак парашютиста. Майские полевые учения 41-го показали, что полк способен выполнять и боевые задачи. «Хорошо, что в мае призвали часть переменного состава, поэтому и подготовка к отъезду, и погрузка прошли значительно быстрее и слаженнее, чем могло бы быть», – думал Шапошников. Он вспомнил приказ командира дивизии, приехавшего в середине мая с совещания в Москве, чтобы во всех подразделениях продумали и подготовились к быстрой погрузке в эшелоны, чтобы каждый знал, что и где брать и куда и в какой эшелон грузить. Благодаря этому и погрузка прошла без излишней суеты. Приехавший с совещания комдив полковник Гришин тогда откровенно, но с удивлением сказал Шапошникову, что у него осталось ощущение: в Москве в штабах полным ходом готовятся к войне.

За эти четверо суток с начала войны спать ему почти не приходилось и домой удалось забежать всего один раз, перед самым отъездом. Наскоро простился с женой, Татьяной Тихоновной, поцеловал дочку и – в штаб полка, а оттуда на вокзал. Шел вдоль строя перед погрузкой и радовался, что полк укомплектован строго по штату военного времени, много молодежи. По первому впечатлению они почти не уступали бойцам срочной службы. Удалось получить новые орудия, пулеметы, отличные 120-миллиметровые минометы. Правда, без боекомплекта, обещали выдать на месте. Конечно, надежнее было бы везти все с собой.

Больше всего Шапошникова беспокоило то, что командиры батальонов не имеют достаточного опыта. Майор Московский, комбат-1, на должности всего несколько месяцев, до этого заведовал складами в округе. Да и по внешнему виду – не строевик. Второй комбат, капитан Леоненко, кадровый, носит орден Красной Звезды за бои на Карельском перешейке. С виду – настоящий пехотинец. Но молод, нет и тридцати лет. Да и на должности всего третий месяц. Как будет командовать батальоном в боевой обстановке – трудно сказать, это все же не рота. Комбат-3 – капитан Горбунов – наоборот, староват для командира батальона, да и здоровье у него неважное.

Все ротные – недавние командиры взводов, но кадровые. Из взводных лишь часть окончивших военные училища, большинство из запаса.

А вот в боевых качествах артиллеристов полка Шапошников не сомневался нисколько. Старшему лейтенанту Похлебаеву, командиру полковой батареи 76-миллиметровых орудий, 28 лет, на должности три года, смело можно давать и дивизион. Командиру батареи сорокапятилетний лейтенант Терещенко – 21 год, но уже понюхал пороху на финской, был ранен. Из училища выпущен досрочно, как отличник, на наркомовских учениях батарея показала себя очень хорошо. Оба за свои батареи болеют душой. Практические стрельбы всегда сдавали только на «отлично». Да и вообще, восемнадцать орудий и шесть минометов в полку – это неплохо. Да плюс двенадцать станковых и восемьдесят ручных пулеметов. Словом, воевать можно.

Спокоен был Шапошников и за работу штаба, который возглавлял. В штабе полка он работал второй год, до этого командовал последовательно взводом, ротой, батальоном. Штабное дело ему нравилось и было, пожалуй, больше по душе, чем строевая служба. Сыну балахнинского каменщика, ему удалось получить неплохое по тем временам образование. В начале двадцатых годов заведовал избой-читальней в Пурехе, там и полюбил книги. Потом была пехотная школа в Рязани и годы тяжелой, порой изнурительной службы. Пехотную науку постиг досконально и не одну пару сапог износил за это время на маршах. Как-то после учений, еще в 1939 году, он встретился в гарнизонной библиотеке с полковником Гришиным; разговорились, а через некоторое время Шапошников, к своему удивлению, с должности комбата был назначен начальником штаба полка. За зиму и весну 41-го удалось отладить работу всех служб штаба. Шапошников рад был, что повезло ему и с помощниками. Лейтенанты Тюкаев, Василевский, Пронин, Денисенко, Меркулов, Степанцев – все оказались не только толковыми и грамотными командирами, но и хорошими людьми.

Начальник штаба 137-й стрелковой дивизии полковник Алексей Александрович Яманов, ехавший в этом же вагоне, тоже не спал и думал о своем. Их эшелон в пути вторые сутки, но где сейчас другие части дивизии – он не знал. На совещании перед отправкой было принято решение, что в первом эшелоне ехать и ему со штабом. Они уже прошли Брянск, какая-то часть дивизии, очевидно, проходит Москву, а хвост, должно быть еще и не выехал – все же они должны были погрузиться в тридцать шесть эшелонов.

«Удастся ли сосредоточиться вовремя, – беспокоился Яманов, – Не растерять бы дивизию по дороге...». И впереди – неизвестность. На фронте дела явно не ладятся, что-либо узнать об обстановке подробно невозможно, только из сводок Информбюро. В Брянске он услышал по радио, что бои идут на Двинском, Минском и Бобруйском направлениях, то есть они по железным дорогам ехали к фронту медленнее, чем наступали гитлеровцы.

Дивизия была отобилизована в кратчайшие сроки, областные власти действительно ничего не пожалели, но сейчас, в дороге, когда он не чувствовал под рукой всей дивизии, настроение все время тревожное. Командир дивизии полковник Гришин должен был выехать с одним из артполков чуть позднее. «Все же правильно ли мы сделали, что так распределили обязанности?» – беспокоился Яманов.

За окном быстро проплывали перелески, мелькали телефонные столбы. «Надо зайти к Малинову», – решил Яманов.

Командир 771-го стрелкового полка полковник Иван Григорьевич Малинов ехал в одном купе со своим начальником штаба, замполитом и секретарем партбюро полка.

– Чай будем пить? – стараясь выглядеть повеселее, спросил Яманов, заходя в купе.

– Заходите, товарищ полковник, – пригласил Малинов.

Яманову сразу бросилось в глаза, как он похудел и осунулся за эти дни. «Быстро ты, устал, однако. Надо поберечь себя, самое страшное еще впереди», – подумал он.

– Как настроение у бойцов? – спросил Яманов у замполита полка батальонного комиссара Васильчикова.

– Вчера днем еще песни пели. В целом – боевое, уныния нет. Хотя есть разговоры, что зря вчера трибунал дал тому бойцу десять лет всего лишь за отказ работать на кухне, лучше бы он воевал.

– Сводку вчерашнюю до всех довели? – перевел Яманов разговор на другую тему.

– Так точно. И газеты удалось получить. Правда, за двадцать четвертое число.

Замолит полка Петр Васильчиков даже внешне, с первого взгляда вызывал симпатию. Молодой, крепкий, с уверенным взглядом больших синих глаз, громким, комиссарским голосом. Такие люди в сложной обстановке иной раз одним своим видом способны навести порядок. Под стать ему был и секретарь партбюро полка старший политрук Наумов. Они были даже похожи. Разве что у Наумова больше было мягкости в глазах.

– Садитесь с нами, товарищ полковник, – предложил Васильчиков.

Разговор не клеился. За вчерашний день переговорено было, кажется, обо всем на свете. Служебных тем не касались, тем более что и говорить о них в дороге было бессмысленно.

– Значит, не удастся теперь в академию, комиссар? – спросил Яманов Васильчикова.

– Да, товарищ полковник. Что теперь об этом вспоминать? Фронтovou академию пройдем.

Сейчас Васильчиков свыкся с мыслью о невозможности учебы, но в первый момент было действительно обидно. Ночами не спал, готовясь к вступительным экзаменам, и сдал-то все на «отлично», был и приказ о зачислении. Утром 22 июня обсуждал с женой за чаем – ехать ли ей с детьми с ним в Москву, когда начнется учеба, как все это в один миг стало бессмысленным. Прибежал красноармеец из штаба и с порога: «Война!».

Первый эшелон 771-го полка от Рославля повернул на Кричев и вечером 29 июня прибыл на станцию Орша. Часть путей оказалась разрушенной, в городе были видны пожары. Эшелон встал, не дойдя до здания вокзала нескольких сот метров.

Полковник Яманов, выйдя из вагона, быстро осмотрелся. Вдалеке на запад уходило несколько самолетов. «Только что отбомбились. И как это они нас раньше не заметили...», – с холодком на сердце подумал он.

– Иван Григорьевич, – позвал Яманов полковника Малинова. – Подготовьте эшелон к разгрузке. Отправьте кого-нибудь на станцию, лучше Шапошникова, за комендантом. Из вагонов пока никому не выходить.

У Яманова не выходил из головы вчерашний случай. На одной из остановок на перегоне Кричев – Орша к эшелону подошла группа командиров, в том числе какой-то полковник, и приказали старшему лейтенанту Похлебаеву, как начальнику эшелона, немедленно разгружаться и выдвигаться в указанную ими рощу неподалеку. Пока Похлебаев ходил за командиром полка, чтобы доложить ему об этом приказе, незнакомые командиры исчезли, видимо, заподозрив для себя опасность. Яманову было не по себе от мысли, что они могли бы выполнить приказ диверсантов и подставить полк в той роще под удар авиации.

Капитан Шапошников коменданта станции Орша нашел быстро, минут через десять. По одному его внешнему виду можно было судить о прифронтовой обстановке: стоптанные пыльные сапоги, пропотевшая под мышками гимнастерка, давно небритый, черное от загара и грязи лицо, воспаленные красные глаза. Чувствовалось, что коменданта задержали в эти дни до предела.

Шапошников представился, попросил указать место разгрузки его эшелону.

Комендант посмотрел на него с удивлением и досадой. Нервно вздрогнул, повернулся, ничего не ответив, и быстро зашагал к станции.

– Эшелон на насыпи! Как технику сгружать? – крикнул ему вслед Шапошников.

– А-а, разгружайтесь, как хотите! Видите, что у меня здесь творится?

Вслед за комендантом бросилась примолкшая было группа военных и штатских, все они вразнобой закричали: «У меня же срочный груз! Требую вне очереди!».

Шапошников вернулся к эшелону.

– Ну, что там? – спросил его полковник Малинов.

– Придется разгружаться прямо здесь. Платформа разбита, впереди скопище горящих вагонов. Пути, конечно, тоже разбиты. Ближе не подъехать, – вздохнул Шапошников.

– Давайте команду на разгрузку. Я – к Яманову.

Шапошников, встав у первого вагона, посмотрел вдоль эшелона и резко махнул рукой, давая тем самым наблюдателям знак на разгрузку. Через несколько минут вся насыпь вдоль состава была заполнена людьми. Артиллеристы скатывали по доскам орудия, сводили упирившихся и ржавших лошадей, из вагонов на повозки начали перегружать ящики со снарядами. Командиры строили своих бойцов.

– Ну, вот и приехали, – сам себе сказал лейтенант Вольхин. После долгой езды хотелось размяться, побегать.

– Смотри, как здесь бомбили, командир, – кивнул головой в сторону воронок под насыпью сержант Фролов. – А народу-то нас – как муравьев!

– Посмотри, не осталось ли чего в вагоне, – перебил его Вольхин. И через несколько мгновений: – Взвод! В две шеренги – становись! – подал он команду, дублируя ротного. – Оружие и снаряжение – к осмотру!

Полковник Яманов нашел Малинова у эшелона в группе его командиров и отозвал в сторону:

– Железнодорожники говорят, что дальше поезда не ходят, пути разбиты, а фронт в районе Минска. Я часть своих людей направил в город выяснить обстановку, часть – снова искать

коменданта и добиться от него хоть каких-нибудь сведений. Сам сейчас еду в город искать местное начальство. Вам задача: быстро построить людей, все проверить и вывести за город, вот сюда, – Яманов расстегнул планшет. – Смотрите. Оборону займете вот здесь, – показал он на карте. – Да, семь километров западнее Орши. Сердюченко! – позвал он начальника оперативного отделения своего штаба. – Оставишь здесь Реутова, пусть встречает здесь эшелоны и всех направляет к Малинову, как договорились. Все по местам!

– Товарищ полковник, – обратился Васильчиков к Малинову. – У нас младший политрук Иванов – оршанец, может помочь сориентироваться в городе.

– Позовите его сюда.

Замполит батареи сорокапятки младший политрук Евгений Иванов в дороге много раз мысленно проигрывал варианты, прикидывая, где они могут вступить в бой, но даже когда они подъезжали к его родному городу, не мог и представить, что ему придется идти со своей батареей по соседней с родным домом улице. «Вот бы мать сейчас встретилась! – подумал он. – Интересно, что она сейчас делает? Неужели сердце не чувствует, что я рядом?» О том, чтобы сбегать сейчас домой, не могло быть и речи. Куда они идут и где потом искать батарею, он не знал, да и отпроситься сейчас домой, на марше – что бы подумали о нем на батарее?

В течение трех часов этого же дня, 29 июня, в Оршу прибыли остальные эшелоны полка Малинова и дивизионный разведывательный батальон майора Соломина. Помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии майор Реутов все эти части направлял в леса, за Днепр, как ему и было приказано.

Командир 137-й стрелковой дивизии полковник Иван Тихонович Гришин прибыл в Оршу только 3 июля, вместе с батальоном связи. В роще за Днепром копавшие стрелковые ячейки пехотинцы показали ему блиндаж полковника Яманова.

– Наконец-то! Здравствуй, Алексей Александрович. Как обстановка? Что известно о противнике? Какие части у нас под рукой? – едва поздоровавшись, начал задавать вопросы полковник Гришин.

– Сложная обстановка, Иван Тихонович. – вздохнул Яманов. – Приехали мы вечером двадцать девятого, а до сих пор ничего толком не знаем. Начальства не найдем, сидим, как на иголках: то ли вперед идти, то ли еще ждать. Полностью прибыли полк Малинова, один дивизион артполка Смолина. Разведбат я еще вечером двадцать девятого выслал в направлении Борисова, попал он будто бы под танки, вернулся за Днепр, с потерями. Двое суток связи с ним не имел, потом уж майор Зайцев приехал, нашел его. Послал снова к Березине и пока никаких вестей.

– Так где сейчас фронт? Связь с соседями и начальством есть? – недовольно спросил полковник Гришин.

– Фронт на Березине. Впереди нас, у Борисова, стоит Пролетарская дивизия Крейзера, это точно. Какие еще там части – не знаю. Крейзер из Орши в Борисов ушел всего за несколько часов до нашего прибытия. Связи ни с кем не имею. Ищем уже который день хоть какого-нибудь хозяина! С ног сбились, да и эшелоны надо встречать. Оборону подготовили... – добавил Яманов, видя, каким сердитым стало лицо Гришина, – О противнике известно только то, что на нашем и Могилевском направлениях действует танковая группа Гудериана в составе трех корпусов. Номеров его дивизий не знаем.

– Канцедал приехал?

– Часа за три до тебя.

– Плохо, что связи с командованием нет. Вперед идти – никакого смысла, надо сначала дивизию собрать. Крейзер, говоришь? – переспросил Гришин, задумчиво шуря глаза, – Мы с ним в академии вместе учились. Друг мой старый. Отличная у него дивизия, даже танки есть. Вот что: найди мне срочно Канцедала, Зайцева и Румянцева.

– Где Зайцев, я не знаю, Румянцев уехал в Могилев, там должен быть штаб какого-то корпуса, а Канцедал здесь.

Днем 4 июля полковник Гришин и его замполит старший батальонный комиссар Канцедал, помотавшись по пыльным дорогам, нашли под Чаусами штаб 20-й армии генерала Курочкина. Гришин знал командующего еще с юности, по боям с бандами Антонова на Тамбовщине. Тогда Гришин служил взводным в полку, которым командовал Курочкин. Они не виделись много лет, и вряд ли Курочкин помнил всех своих взводных.

Полковник Гришин представился генералу. Прошли в полевую палатку. На складном столе лежала карта.

– Вот что, полковник. Пока штаб вашего корпуса не прибыл, подчиняю вас генералу Бакунину. Его шестьдесят первый корпус имеет задачу обеспечить оборону от Орши до Могилева и южнее по восточному берегу Днепра.

– У меня еще не все части прибыли, товарищ генерал. И половины дивизии нет.

– У Бакунина примерно так же. Есть такие, у кого дела и хуже ваших. Собирайте дивизию как можно быстрее. Вот ваша полоса обороны... – генерал наклонился к карте.

– Многовато, товарищ командующий, – взглянув на полосу, уверенно возразил Гришин.

– Будет возможность – уплотним. Всё.

Полковник Гришин по внешнему виду генерала, интонациям его голоса пытался дополнить впечатления об обстановке, но командующий говорил по-военному четко, кратко, без каких-либо эмоций, очень спокойно.

Более чем на семьдесят километров от Орши до Могилева приходилось четыре советские дивизии. Людей в них было меньше половины положенного по штату. Десятки эшелонов этих дивизий еще тянулись по железной дороге, то и дело подвергаясь налетам гитлеровской авиации. Но на картах генерала Курочкина и штаба Западного фронта уже были обозначены номера этих четырех дивизий.

Эшелон с батальоном капитана Лебедева 624-го стрелкового полка майора Фроленкова под бомбежку попал на перегоне Рославль – Кричев. Было около 6 часов утра, бойцы еще спали в теплушках, как близкий грохот потряс состав и вагоны закрипели от резкого торможения. Люди, едва проснувшись, стали прыгать друг на друга, скатываясь по насыпи. Самолеты, сбросив бомбы, развернулись для второго захода. Дали несколько густых очередей по разбегавшимся по сторонам людям и улетели на запад.

Капитан ветеринарной службы ветврач полка Никтополион Набель, бурый от загара здоровяк с совершенно белыми, выгоревшими на солнце волосами, выскочил из вагона вместе со всеми и, пока самолеты стреляли, лежал, вжавшись в землю и ожидая скорой смерти. Когда самолеты улетели, и он услышал голоса живых, Набель встал, отряхнулся и пошел в голову эшелона, где горели несколько вагонов. Рельсы от взрыва бомбы загнулись, как салазки, повсюду лежали и стонали люди, а один, убитый, по виду совсем мальчишка, висел головой вниз и на лице его застыла гримаса ужаса.

Дикое ржанье раненых лошадей било по нервам, в вагоне, где они стояли, все было забрызгано кровью. Одну лошадь взрывом выбросило из вагона на насыпь. «Батюшки! У ней и передних ног нет! – с ужасом пронеслось в голове у Набеля. – Надо пристрелить беднягу». Гонимая за басмачами в пустынях Туркестана, он не раз видел смерть, но за последние годы отвык от крови, поэтому кобура его пистолета расстегнулась не так быстро, как раньше.

– Ну, стреляй, что смотришь! – услышал он сзади чей-то голос.

– Не могу, пистолет заело.

В глазах лошади застыло такое страдание, что Набель никак не мог заставить себя выстрелить в нее. Наконец, он все же нажал на курок, и, не глядя под ноги, побежал прочь, с трудом сдерживая нервную дрожь.

Горели вагоны, но их никто не тушил. Все были так потрясены внезапной бомбежкой, что не знали, за что браться.

– Вагон со снарядами загорелся! – раздался чей-то крик.

Через несколько минут раздался страшный протяжный взрыв, и, когда Набель оглянулся, то увидел вместо этого вагона огромную, густо дымящуюся воронку. Куски горящего дерева и металла разлетелись по сторонам, от них загорелось еще несколько вагонов, и Набель, уткнувшись лицом в землю и весь сжавшись, ждал взрывов еще несколько минут.

Наконец, наступила тишина, потом стали слышны голоса и команды, кое-где слышался нервный, неестественный смех. Набель встал и снова принялся отряхиваться. Рядом все еще лежал боец, закрыв лицо руками.

– Эй, парень, вставай. Или контузило?

Капитан Набель взял его за руку и вздрогнул: на лице была огромная кровавая яма.

Через час бойцы, так и не доехавшие до фронта, были похоронены, сгоревшие вагоны отцеплены и сброшены под насыпь, и эшелон снова медленно покатился к фронту. Двадцать человек батальон Лебедева похоронил в Калуге, когда там бомба попала в вагон. Казалось, это был такой глубокий тыл, что стыдно погибать... И вот еще братская могила, куда легли тридцать так и не выстреливших ни разу во врага бойцов.

К вечеру эшелон остановился у какого-то полустанка.

– Почему стоим? – залезая на подножку паровоза, прокричал капитан Лебедев.

– Дальше не повезем. Фронт совсем близко, – ответил машинист.

– Сколько отсюда до Орши?

– Километров шестьдесят, не меньше, – ответил пожилой усатый машинист. – И топливо у нас кончилось, капитан.

– Ты мне не темни! Впереди нас сколько эшелонов прошло!

– Прошло-то прошло, да обратно никого. Слышите, где уже гремит? Нет, дальше не повезем. Ты понимаешь, что я могу тебя прямо под танки привезти? – взорвался машинист.

– Если их авиация впереди бомбит, то фронт еще далеко. Ты сводку слышал?

– Слышал. Немцы еще позавчера были у Борисова и Могилева, а сейчас – кто знает где. Ведь как прут-то!

К паровозу подошел лейтенант Корнилин, адъютант старший батальона, жилистый, небольшого роста парень с тонкими чертами лица.

Капитан Лебедев прыгнул с подножки паровоза.

– Боятся дальше ехать, да и говорят, что топливо у них кончилось.

– Товарищ капитан, я на гражданке помощником машиниста работал, как раз на «Щуке», – сказал Корнильев. – Разрешите, я сам поведу. Так вернее будет. А топливо – долго ли шпал напилить, вон их, целые штабеля лежат.

«Конечно, надо помаленьку ехать, не топтать же еще с полсотни километров, – думал капитан Лебедев, – А если на танки напоремся? Нет, рискнуть стоит».

Пока бойцы пилили шпалы на топливо, лейтенант Корнилин осваивался в кабине машиниста. Помощник машиниста и кочегар незаметно ушли, но старый машинист в последний момент решил все же остаться.

– Корнилин! Лукьян, трогай, браток! – крикнул капитан Лебедев и побежал к первой теплушке.

Поздно вечером эшелон с батальоном был на станции Зубры. Оттуда хотели ехать и дальше, на Оршу, но комендант божился, что там уже немцы, и Лебедев решил разгружаться.

– Ну, Корнилин, молодец ты! Теперь нам главное – найти своих из дивизии. Комендант говорит, что до нас тут был эшелон, он спрашивал, откуда – арзамасцы. Наши, значит. Командиров рот ко мне. Проследи, чтобы в вагонах ничего не оставили. Я буду на станции. Охранение из четвертой роты поставь.

– Алексей Александрович! Срочно! – выходя из резко затормозившей машины и отряхивая пилотку от пыли, позвал полковник Гришин своего начальника штаба Яманова. – Получен приказ командующего фронтом: сдать свои позиции соседям и выводить дивизию в Сухари, это километров двадцать восточнее Могилева. Переходим в тринадцатую армию. Сегодня у нас какое число? Восьмое? – и после паузы Гришин глубоко вздохнул. – Убит командующий тринадцатой армией генерал Филатов. Заступил генерал Ремизов...

– Командующий армией убит? – недоверчиво переспросил Яманов, но тут же о деле. – Сдать позиции соседям, а самим в тыл? Ведь здесь и так фронт в нитку. Немцы к Орше подходят, здесь могут быть и завтра.

– Приказ. Там виднее.

– Какая хоть в целом обстановка на нашем направлении, что-нибудь удалось уточнить?

– В штабе армии и сами толком ничего не знают, – зло ответил Гришин. – Все только в общих чертах. Там нет и половины работников штаба, эти-то еле вырвались из-под Минска. Да еще командующий убит... Дали ориентировку, а сколько у Гудериана дивизий – узнавайте сами. Западнее Минска две наши армии в окружении. Вот такие, брат, дела... Кто у нас еще прибыл, пока меня не было?

– Да никого больше! Имеем пять батальонов пехоты и два дивизиона артиллерии, не считая полковой. Дороги бомбят, везде заторы. 409-й Корниенко и 624-й Фроленкова прибыли, но у обоих пока только по батальону. Растеряем дивизию, Иван Тихонович. Плохо дело. Штаб нашего корпуса тоже еще не прибыл?

– Нет еще. Да-а, дела... Голова в Орше, а хвост, наверное, еще и Москву не прошел. Долго, долго собираемся, – Гришин устало потер лоб ладонями, встряхнулся. – Так. Готовь приказ на марш в Сухари.

Яманов достал карту, и они быстро набросали маршруты движения.

– Соседям дай знать немедленно, – сказал полковник Гришин. – У тебя еще есть связь с теми, кто в Зубрах? Пусть все наши части, которые будут прибывать туда, направляют в Сухари, и как можно скорей. Да, придется потопать: почти семьдесят километров до этих Сухарей. Пошли ко мне Кузьмина, я в машине буду, сутки ничего не ел.

Восьмой месяц командовал Иван Гришин 137-й стрелковой дивизией, и какая дивизия ему досталась! Счел за честь ее принять, когда предложили, хотя до этого занимал должность более высокую – начальника отдела боевой подготовки Московского военного округа. Сам ее готовил к прошлогодним наркомовским учениям, и подготовил, надо думать, неплохо: орден Красной Звезды получил, именные золотые часы от наркома, а дивизия – сразу два переходящих Красных Знамени от округа и от наркомата обороны.

«Дивизия сколоченная, вооружение, оснащение – как положено, люди замечательные, а в бой, наверное, придется вступать сходу и по частям, – думал Иван Тихонович. – Эх, не так все представлялось... Разве могли предполагать, что столько потеряем еще по дороге. Хотя бы еще неделю сроку! Главное – кулак собрать. А тут опять переброска, и так все запутано до предела. Еще и воевать не начали, а нервов уже натрепали. Явно, что участок фронта, на который мы прибыли – наиглавнейший. Для Гудериана – прямая дорога на Москву. Но до чего же быстро он продвигается...».

И Гришин вспомнил, что читал его нашумевшую в военных кругах книгу «Внимание! Танки!». В Польше отличился, от Бреста до Минска вообще за неделю прошел. – «Сколько же все-таки у него сейчас танков? Удивительно, что пробивная сила его дивизий не снижается.

Хотя на Березине топчется уже который день. Спасибо Крейзеру, сколько дней для нас выиграл... Не может быть, чтобы немцы не понесли за это время серьезных потерь... Скорей бы у себя порядок навести...» – думал полковник Гришин.

Уже несколько часов без привала шел пыльными дорогами от Орши на юг 771-й стрелковый полк Ивана Григорьевича Малинова. Колонны его батальонов и батарей растянулись на несколько километров.

– Когда у нас большой привал? – догнал своего начштаба полковник Малинов.

– В семнадцать часов, в Каменке, – ответил капитан Шапошников. – Но, товарищ полковник, может быть, сделаем позднее, и не в Каменке, а вот здесь, – он показал по карте. – А то немецкие самолеты уже несколько раз колонны облетали, но ни одной бомбы не сбросили. Такое чувство, что ждут, когда мы всем полком привал сделаем.

– Хорошо, распорядитесь по батальонам.

С удивлением смотрели издали бойцы и командиры полка Малинова, как самолеты с черными крестами разгружали бомболюки над Каменкой, откуда всего лишь за полчаса до этого полк был выведен в лес.

– Кого они там бомбят, товарищ капитан? – спросил лейтенант Тюкаев начштаба полка.

– Нас, должно быть, – ответил Шапошников, – Немцы, видишь ли, нация пунктуальная, еще в ту войну себя так показали. Приказ выполняют с методической точностью. – А про себя Шапошников подумал: «Что-то здесь не то... Откуда бы немцам знать, что мы именно в это время должны быть в Каменке?»

Многокилометровый марш по жаре с полной выкладкой так утомил бойцов, что когда прозвучал сигнал «Привал!», большинство сразу же сели или легли, где попало, только сняв вещмешки, скатки и расстегнув ремни.

Лейтенанту Вольхину тоже очень хотелось снять сапоги, но он даже не присел, а пошел искать старшину роты, чтобы накормить людей. На опушке леса он встретил полевую кухню. И в ней, на удивление, что-то варилось, а вокруг толпились и постукивали котелками бойцы.

– Это когда ж ты успел? – спросил Вольхин черного, как чугунок, повара.

Он был узбек, но звали его по-русски, Миша. Имя его произносили мягко, с «я» на конце – Мишя, как он себя называл.

– В той деревне еще заправил. Конь идет, еда варится, только дров клади.

– А что варишь?

– Кашю, – ласково и мягко ответил Миша.

Вольхин весело усмехнулся и пошел к своим. Встретил его взрыв хохота. «Опять Савва развлекает...».

– Послушай, командир, какой сон нашему старшине приснился. Перед отъездом он все выдавал да выдавал, обмундирование, сбрую всякую, и довыдавался – приснилось, что...

– Командиров взводов к командиру роты! – раздалась команда.

Все дружно хохотали.

– ... И одному взводу не хватило!

Вольхин так и не дослушал, что же такое приснилось их старшине.

– Взвод, котелки достать, обед будет, – сказал он и пошел к ротному.

К вечеру 11 июля полк Малинова после изнурительного семидесятикилометрового марша втянулся в село Сухари. Едва услышав команду «Привал!», бойцы валились на обочины. От хат уже спешили женщины с кринками, и в эти же минуты по селу понеслись крики: «Воздух!», «Воздух!». Группа самолетов на бреющем пронеслась над селом, стреляя из пулеметов. Визги женщин, команды, матерщина, стрельба слились в сплошной треск и гул. Машины,

повозки, упряжки с орудиями рванулись в разные стороны, прячась за избами и деревьями, а фонтанчики пыли от пуль взметнулись по всей улице.

Второй заход самолетов был встречен хоть и не дружным, но все-таки залпом винтовок и пулеметов. Третьего захода не было, большинство бойцов еще лежали, но кое-где уже слышался смех, неестественный, какой бывает после пережитого страха.

– Товарищ командир, один, кажется, подбили, к лесу потянул, – к Васильчикову бежал лейтенант Христенко, командир зенитно-пулеметной роты. – Разрешите сбегать, хвост дымный был, и сел недалеко, километра два, не больше.

– Давай, Христенко, и тащи его сюда, если живой.

Заметив, что младший политрук Иванов о чем-то разговаривает с бойцами своей батареи, замполит полка Васильчиков направился к ним. Младший политрук Иванов, или как называли его друзья-артиллеристы – Женья, недавний выпускник военного училища, нравился Васильчикову. Энергичный, разговорчивый, не как некоторые, что двух слов не свяжут. На батарее его уважали, и за дело.

– Ну что, ребята, пошерстил нас немец? – спросил, подойдя, Васильчиков.

– Потерь на батарее нет, товарищ комиссар, все нормально, – ответил на одном выдохе младший политрук Иванов.

– Сержант Печенкин, расскажите, как действовали, – улыбнулся Васильчиков.

– Услышал команду «Воздух!», ну, соскочил с повозки – и в рожь. Сначала было, конечно, не по себе, особенно когда пулеметная очередь в нескольких метрах просвистела, но потом ничего, повернулся на спину и стрелял вместе со всеми. Кажется, даже лицо летчика видел. А, в общем, ничего особенного, товарищ комиссар, – улыбнулся сержант.

– Ну, молодцы, ребята. Действовали правильно и без паники. Политрук, позаботьтесь, чтобы бойцы отдохнули. Лошадей и орудия замаскировать, но быть в готовности к маршу.

– А ночевать разве не здесь будем, товарищ комиссар? Опять топать? – послышался чей-то голос сзади.

– Пока задача была – прийти сюда, – уклончиво ответил Васильчиков. Он повернулся и зашагал по дороге к штабной машине.

– «Эмка» командира дивизии, товарищ полковник, – услышав шум мотора, выглянул из окна избы капитан Шапошников.

– Что тут у вас было? Опять бомбили? – устало спросил полковник Гришин, войдя в избу. – Дайте воды. – Сел на лавку у стола. – Все в сборе? – Поднял глаза на стоявших перед ним командиров, жадно выпил кружку воды. – Ставлю задачу. Все к карте. Противник форсировал Днепр. Да, уже, – сказал он, заметив удивленные взгляды окружающих. – Еще вчера утром, в районе Быхова. Положение там крайне сложное. Какими силами? Предположительно до дивизии. Сейчас накапливается на плацдарме. Нам приказано сбросить противника в Днепр... Людей накормили? Через... – Гришин посмотрел на часы, – час сорок подъем и – вперед. Смотрите маршрут полка, – отчеркнул карандашом по карте. – Двигаться в предбоевых порядках, батальонными колоннами. Артиллерии идти впереди, возможна встреча с танками. Итак, готовиться к маршу. Алексей Александрович, – повернулся Гришин к Яманову, которого он не видел с утра, и даже не удивился, что он тоже здесь, – выйдем покурить.

Встретился с удивленным взглядом Малинова, но ничего ему не сказал. Сели на чурбачки возле поленицы.

– Иван Тихонович, объясни, что за спешка идти на ночь глядя, – Яманов взмахнул папирсой. – Люди хоть и бодрятся, но устали, все же третьи сутки на ногах. Если бы завтра здесь день постоять, то дивизию, может быть, всю и собрали бы, а так – неужели по частям в бой вступать будем? И еще двадцать километров марша!

– Обстановка настолько тяжелая, что даже часы сейчас все решают, – нахмурился Гришин и жадно затянулся папирсой. – У Быхова одна наша дивизия, да и та растянута километ-

ров на пятьдесят. Да, переподчинили нас сорок пятому корпусу Магона, я тебе о нем рассказывал.

– А генерал Еремин где?

– По последним данным, подходит к Чаусам, но что там у него – неизвестно. Дивизия Скугарева выехала следом за ним, но еще ни одного полка не прибыло. О Владимирской дивизии вообще сведений никаких. Есть еще одна дивизия, 132-я Полтавская, генерала Бирюзова, но она только начала выгрузку в Чаусах. На завтра назначен общий контрудар, привлекается в общей сложности пять дивизий, но сил в них и на одну не будет. И попробуй сейчас организуешь этот контрудар, на таком пространстве и в такой спешке. Гудериан нас ждать не будет. Если за эти два-три дня его здесь не сбросим в Днепр, выйдет танками на Варшавское шоссе и – напрямик на Кричев. У нас в дивизии хоть какой-то кулак. Маршал Тимошенко на нас в основном и надеется.

– Да, кулак... Пять батальонов пехоты. А участок какой? На нем и всей дивизии было бы слишком просторно. И где точный рубеж развертывания?

– Ну, давай еще уставы вспоминать, – Гришин, зло кусая губы, затушил папиросу каблук сапога. – Пойдем еще раз все прикинем по карте, и я к Смолину и Малыху, а ты за работу. Подумай, кого здесь оставить из штаба, пусть встречает остальных. Пехоту с артиллерией по общему маршруту, а тылы здесь попридержим.

Оба вошли в избу. Капитан Шапошников как раз ставил задачи командирам батальонов и батарей. Вдруг за окнами послышался громкий смех и крики, по-немецки, но женские.

– Что там такое? Похлебаев, посмотрите, – попросил Шапошников.

Через минуту в избу, едва сдерживаясь от смеха, вбежал старший лейтенант Похлебаев:

– Летчика со сбитого самолета привели, вернее – летчицу!

– Вот это да... – Шапошников, едва сдерживая улыбку, посмотрел на полковника Гришина.

– Да такая нахалка – кусается, царапается, орет! Куда ее?

– А Потехин где? Сдайте ее ему, – распорядился Шапошников. Старший лейтенант госбезопасности Потехин был уполномоченным особого отдела в полку Малинова.

К полуночи 771-й стрелковый полк вышел из Сухарей, держа направление строго на юго-запад. На улицах села остались огромные копны из скаток и вещмешков – для скорости решено было все лишнее оставить на месте. Дорог был каждый час, поэтому пехота то и дело переходила на бег, ездовые не жалели вожжей, подгоняя свои упряжки с орудиями. Незаметно наступил рассвет, поднялось жаркое июльское солнце, а колонны полка без привалов проходили маленькие деревушки, стараясь миновать их быстрее и выйти на лесные дороги. Но с каждым часом темп марша падал, сказывались многосуточная усталость и бессонные ночи.

После полудня стал слышен гул боя, пока еще отдаленный и слабый. Несколько раз мимо колонн проезжала машина с командиром дивизии, словно торопя людей, но и к вечеру полк не вошел в соприкосновение с противником, хотя ушел от Сухарей больше, чем на тридцать километров.

Полковник Гришин мысленно невольно радовался, что дивизия все еще не вступила в бой. Нетрудно было бы представить, что это за бой – прямо с марша. Объезжая колонны батальонов своей дивизии, он видел, как устали люди. Пехотинцы шли с мокрыми от пота спинами, с разводами соли на гимнастерках. Но все же и приятно было видеть, что колонны не растянулись, а шли компактно.

Вечером Гришин в какой-то деревушке встретил машину с командующим армией, он и сказал, что удар их корпуса не получился. Уточнить у него обстановку в деталях не удалось, генерал Ремизов сообщил только, что в контрударе приняли участие всего пять батальонов разных дивизий. Немцы наращивают силы на плацдарме, гонят через мосты на Днепре технику

и в ближайшие часы главными силами могут двинуться вперед. Их разведгруппы на мотоциклах замечены были у станции Чаусы.

А к вечеру полковник Гришин узнал, что передовые части противника находятся всего в пяти-шести километрах от колонн его дивизии, и между ними никаких других наших войск нет.

– Товарищ капитан, из первой роты сообщили, что лейтенант Шажок прибыл, – подбежал к Шапошникову лейтенант Денисенко, начальник связи полка.

– Давай его сюда скорее, – Шапошников вышел из колонны, сел у березы, вытер платком лоб.

Несмотря на закалку пехотинца, Александр Васильевич устал: на ногах несколько суток подряд, и, как нарочно, жара все эти дни стояла просто немилосердная.

Через несколько минут к Шапошникову на взмыленном коне подскочил лейтенант Шажок, командир взвода конной разведки. Он тяжело слез с коня, доложил о прибытии и пилоткой вытер мокрое от пота лицо.

– Ну и жара... Эх, хоть посидеть на травке...

– Люди у тебя где? – спросил его Шапошников.

– Там, на лужайке. Потерь нет. Плохо дело, товарищ капитан. Плацдарм немцы захватили уже километров двадцать по фронту, все деревни забиты техникой.

– Ты рассказывай, что сам видел.

– Наших там почти нет, кое-где держатся по роте, не больше. И сплошной линии обороны нет, промежутки очень большие. То, что я видел сам с ребятами, это одних танков не менее трехсот единиц, несколько отрядов по тридцать-пятьдесят единиц. Артиллерии у них, правда, мало...

– Ну, триста! Как ты их считал? Не спутал танки с бронемашинами?

– Может быть, где-то и спутал, но считали в основном танки. Много грузовиков, мотоциклистов – трещат на все окрестности.

– Покажи по карте.

Шажок всмотрелся в названия деревень и начертания лесных дорог.

– Здесь и вот здесь стояло примерно по тридцать танков, а тут видели колонну в двадцать танков. Несколько раз опрашивали беженцев. Один дед сам видел переправу, говорит, что позавчера по ней за день прошло не менее полусотни танков. Проверить его сведения было невозможно, но и не поверить ему я не мог. В итоге, даже если мы что-то и подсчитали дважды, триста танков, как самое малое, есть. Товарищ капитан, не сегодня-завтра они рванут. Мотоциклисты вообще по дорогам гоняют, как у себя в Германии, в одних трусах.

Подъехали полковник Малинов и старший лейтенант Меркулов, начальник артиллерии полка. Шапошников коротко доложил им все, что рассказал ему Шажок, показал по карте. Малинов выслушал молча, но на его лице появились растерянность и недоумение.

– Надо останавливать полк, капитан, – сказал он Шапошникову. – Разворачивайте батальоны в боевые порядки. Если противник действительно в Червоном Осовце, то надо готовиться к бою. Пошлите вперед разведку, пусть уточнят расположение сил противника. Установите связь с майором Фроленковым, он идет левее километрах в пяти. Сосед справа тоже должен быть на подходе, Полтавская дивизия.

– Товарищ полковник, может быть, батальон Горбунова во втором эшелоне пока оставим? – спросил Шапошников Малинова.

– Да-да, а батареи обе – в батальоны, вперед. Я поеду к Гришину, вернусь часа через два.

Через полчаса батальоны 771-го стрелкового полка были остановлены и люди начали готовиться к бою.

Разведгруппы вернулись поздно вечером, пленных взять не удалось, но наблюдением было установлено, что в полосе полка, в селах Пустой и Червонный Осовец расположились на ночевку довольно крупные силы противника – до батальона мотопехоты с танками в каждом селе.

Часам к десяти вечера на командный пункт полка Малинова двое красноармейцев притащили катушки со связью. Быстро развернули аппарат, один из них подул в трубку и оглянулся, разыскивая глазами старшего по званию.

– «Волга», «Волга», я «Сосна», как слышите? Прием. Есть! Товарищ капитан, просят командира.

– Начальник штаба семьсот семьдесят первого полка капитан Шапошников. Да. Полковник Малинов уехал в штаб дивизии... Сведения, предварительно, такие: на плацдарме в районе Сидоровичи, Перекладовичи, Усохи установлено скопление танков противника до трехсот единиц... Считала разведгруппа лейтенанта Шажка, сведения сегодняшнего утра и дня.

– С кем ты? – спросил Шапошникова подошедший к связистам батальонный комиссар Васильчиков.

– Генерал Еремин, – прикрыл на секунду ладонью трубку Шапошников. – Полк занимает рубеж восемьсот метров восточнее Пустой Осовец и тысяча метров восточнее Червонный Осовец. Да, впереди точно противник, до двух батальонов мотопехоты, есть танки... Не удалось установить точно... Есть. Понял.

Шапошников положил трубку, посмотрел в глаза Васильчикову, немного помедлил и сказал:

– Не верит, что у немцев на плацдарме триста танков. Не может, говорит, этого быть. «Ты знаешь, сколько один танк стоит?» – повторил Шапошников вопрос командира корпуса. – А может быть, Шажок действительно что-то там напутал, – задумчиво и с тревогой произнес он. – Ну, пусть не триста, а двести, и часть из них бронемшины, это же как минимум две дивизии, даже с учетом потерь, что они понесли от границы. Кроме того, у Могилева одна танковая дивизия. А это уже корпус.

– Может быть, снова позвать Шажка? – спросил Васильчиков.

– Не надо, пусть отдохнет парень. Двое суток в седле.

Шапошников в глубине души тоже не верил, что против их дивизии стоят, готовые к броску, триста танков, но и сведениям Шажка не верить не мог. За год, что он его знал, много раз приходилось убеждаться в его исключительной добросовестности. Это был труженик, смельчак, да к тому же и с головой. Шапошников удивлялся, как это он за один день смог столько сделать. Пусть и на конях, но накрутили за день не меньше восьми десятков километров. Нет, в добросовестности Шажка он не сомневался, другое дело, что некоторые группы танков в той сумятице мог посчитать дважды.

«Завтра все станет ясно, – подумал Шапошников, но тревога в душе осталась. – Скорей бы начиналось...».

Почти две недели прошло, как полк выгрузился в Орше, но все это время были только изнурительные марши, нервотрепка, переходы казались бессмысленными, тем более, что вдоль фронта.

– Тюкаев, позовите Степанцева, – оторвался Шапошников от карты.

В блиндаж, светя фонариком, вошла группа командиров.

– Уже устроились? Быстро, – Шапошников по голосу узнал полковника Гришина. – Куда бы сесть?

Шапошников показал на чурбачки:

– Садитесь, товарищ полковник, – как всегда, подчеркнуто спокойно и с достоинством сказал он.

В блиндаж вместе с Гришиным вошли Канцедал и Малинов. Все управление полка было в сборе.

– Обстановка такая, товарищи... – едва разжимая свои тонкие губы, задумчиво протянул полковник Гришин.

Все стояли молча, с тревогой ожидая, что командир дивизии скажет сейчас что-то очень важное. После тягостной паузы Гришин встряхнулся и собранно, деловито продолжал:

– Слушайте боевой приказ. Атака в пять ноль-ноль. Ближайшая задача полка: взять Червонный и Пустой Осовец. Пойдем без артподготовки, сорокапятки – с пехотой. Батарею Похлебаева передать в распоряжение майора Фроленкова, в батальон Козлова. Их задача, они будут вашим левым соседом, держать дорогу на Давыдовичи. Кроме того, батальон должен выручить штаб сорок пятого корпуса Магона, сидят они там в роще, как в мешке. Так, что еще? – Гришин наморщил лоб, что-то вспоминая.

Шапошников, сидевший напротив, заметил, как осунулся их комдив за эти дни, и под глазами появились тени.

– Как настроение у бойцов, Васильчиков? Да, с речью товарища Сталина от третьего июля ознакомили?

– Ознакомили, товарищ полковник. Настроение в полку боевое. Люди стали серьезнее за эти дни. За моральное состояние полка ручаюсь, – твердо сказал Васильчиков.

Он был уверен, что расстрелянные вчера перед строем четверо бойцов, к всеобщему стыду кадровых, призванных, правда, из Западной Украины, были последними трусами в полку. Эти самострельщики сами выкопали себе просторную могилу на четверых и молча и покорно встали спинами к строю. Трупы расстрелянных быстро закидали землей, могильного холмика делать не стали.

– Готовьтесь к бою. Как говорится, ни пуха... Завтра, впрочем, тринадцатое июля. Все свободны. Шапошников, на два слова.

Они вышли из блиндажа.

– Ты сегодня с Ереминым говорил... – Гришин тронул Шапошникова за рукав. – Впредь остерегайся докладывать такое. А то могут не только в преувеличении сил противника обвинить, но и в паникерстве. А это, сам знаешь, чем грозит, пусть и на фронте. Понял меня? А так – надеюсь на тебя, учти. Связь всю проверил?

– Все на месте, товарищ полковник.

– За тобой Малых дивизион поставил. Свяжись с ним, договорись о взаимодействии против танков. Петр Никифорович, – позвал Гришин подошедшего Канцедала, – я к Малыху, а ты давай к Смолину. Дорогу не забыл? И завтра будь там.

Фигуры Гришина и Канцедала исчезли в темноте.

Сгущалась июльская ночь, короткая, но темная...

– Товарищ капитан, – услышал Шапошников тихий голос сзади.

– Степанцев? Где сейчас ваши люди? Давайте их всех сюда поближе к штабу, и без моего приказа никуда, и сам чтобы под рукой был. И смотри за хозяйством Татаринава.

Лейтенант Александр Степанцев был командиром химического взвода полка. Немолодой, семейный, небольшого роста, но крепкий, очень подвижный. В полк он был призван в мае, но и за столь недолгое время успел показать себя, как хороший организатор. До этого Степанцеву довелось повоевать на финском фронте, участвовал он и в походе в Западную Белоруссию – словом, человек был с опытом, к тому же серьезный и грамотный. На гражданке был на комсомольской и хозяйственной работах, инструктором райкома партии. Взвод свой сумел сколотить и подготовить на редкость быстро. И взвод силы был немалой: пятьдесят человек. Перед самой войной Степанцев был назначен и начхимом полка, благо, должность была свободной.

«В случае чего, будет на кого опереться в трудную минуту», – думал о нем Шапошников. Многолетний армейский опыт научил Шапошникова, что лучшей опорой всегда будут те, кого знаешь лично, а не только по службе. Со Степанцевым они были к тому же земляки, а одно это значило много. Как сложится завтрашний день, можно было только гадать, но из головы у него не выходили эти триста танков, о которых доложил ему Шажок.

Когда Шапошников вернулся в блиндаж, полковник Малинов работал над картой, Васильчиков и Наумов о чем-то тихо переговаривались.

– Дай-ка Леоненко, – тронул Шапошников за плечо связиста.

Боец покрутил ручку аппарата, подал трубку.

– Как там у тебя? – спросил Шапошников.

– Тихо. И ни черта не видно, – ответил Леоненко, – Выслал взвод в направлении села, в охранение. Немцев не слышно. С час назад, правда, слышался шум мотора, но не разобрать было – танк или машина.

– Дозоры проверь и поспи часок.

В батальонах Московского и Горбунова тоже было тихо. Уже кончая разговор с Горбуновым, Шапошников вдруг услышал, как в связь вступил кто-то посторонний.

«Немец! – ожгла мысль, – Что он говорит?».

– Савин, Чайко, – выйдя из блиндажа, негромко окликнул Шапошников бойцов комендантского взвода. – Быстро по линии к Горбунову. И тихо: диверсант на ней сидит. Взять живым.

Минут через десять красноармейцы привели к Шапошникову рослого парня в новом штатском костюме. На шум из блиндажа вышел Васильчиков.

– Что случилось, Александр Васильевич?

– Каков нахал, а? Корову, говорит, ищет! Совсем нас за дураков принимают. Пристроился к связи, и что бы ты думал: предложил мне сто марок, если я ему сдамся. Я, говорит, проведу через линию фронта, ему за меня дадут премию, и он со мной поделится! Ну-ка, Савин, води его к Потехину, – приказал Шапошников.

Через пару минут невдалеке сухо щелкнул выстрел из карабина. А скоро вернулся и Савин.

– Побежал он, товарищ начальник, – простодушно объяснил конвойный.

Лейтенант Вольхин и его бойцы, заняв указанный их ротным рубеж для атаки и приготовившись к ней, хотя до начала ее было еще больше четырех часов и имелась возможность поспать, так и не заснули. За последние сутки они прошли с полком больше ста километров, и все это время у них была одна простая солдатская мечта: свалиться бы куда-нибудь под куст и поспать часиков десять. Но вот теперь, когда такая возможность, хоть и не на десять, а на два-три часа вдруг представилась, спать никому не хотелось.

Вольхин, положив своих людей у белевших в ночи березок, первым делом все же прошел вперед шагов сто, через лесок. С опушки его, через неровное поле и предстояло им идти в бой. Как ни всматривался Вольхин в темноту, очертаний деревни, которую предстояло атаковать, увидеть не удалось: мешал бугор. На фоне неба километрах в двух лишь темной полоской выделялся лес. Было так тихо, что давило на уши, и Вольхин, постояв немного, безуспешно пытаясь уловить впереди хоть какие-то звуки, вернулся к взводу.

– Садись к нам, командир, – услышал он голос сержанта Фролова. – Что там видно?

– Видно поле. Немцев не слышно, и что-то не верится, что они близко.

Вольхин снял сапоги, размотал портянки и с наслаждением пошевелил пальцами. «Надо бы выставить дозор на опушку», – подумал он, но с командой медлил. Как сел, так сразу навалилась усталость, захотелось откинуться на спину и лежать, лежать, рассматривая звезды.

– Зеленцов! Борисов! В дозор, сто метров вперед – опушка. И смотреть в оба. Через час сменим, – приказал, наконец, Вольхин.

– Да, все равно не заснуть, – вставая, сказал Зеленцов, маленький, неприметный паренек. – Пошли, Сашка.

Обулись, взяли винтовки и скоро скрылись за деревьями.

– Поспи, командир, – повернулся к Вольхину сержант Вертьянов. – Я не могу что-то. В случае чего, подниму.

Вольхин с наслаждением откинулся на траву. Земля была теплая, не остывшая за ночь. Сон не шел, напряжение в голове не спадало, и Вольхин стал смотреть на своих бойцов. Один, длинный и нескладный, Анисимов, вытирал травой котелок, причем делал это так тщательно, как будто сейчас должны были проверять его чистоту. Другой, всегда молчаливый и незаметный, Урюпин, перетягивал ремень у винтовки, хотя никакой нужды в этом не было. Третий, в темноте Вольхин его не узнал, протирали тряпочкой сапоги. «Зачем? – усмехнулся Валентин, – не на парад же утром». И все сейчас занимались подобными же пустяками. Кто-то строгал ветку, другой протирали винтовку, третий разглаживал портянки. Только Савва, кажется, спал.

«Что-то его сегодня и не слышно было, – подумал Вольхин. – Все же хорошо, когда во взводе есть свой весельчак. Как это он все любит говорить: «Или я не парень, или Волга не река...».

Почти две недели, как они прибыли на фронт, и за это время Вольхин успел привязаться к своему взводу всей душой. «А ведь кого-то из них могут завтра и убить, – пришла вдруг в голову мысль. – А если меня?».

До сих пор Вольхин о смерти не думал. Наверное, потому, что все эти дни они только совершали марши, боя еще не видели. В глубине души Валентин не верил и не мог представить, что кому-то из них, или даже всем, придется погибнуть, хотя и понимал, что на войне убивают каждый день. Стало как-то неприятно, что стучит сердце и непроизвольно вздыхается. Много раз представлял себе Вольхин будущий бой и все казалось, что морально он к нему готов, но сейчас такого состояния от себя все же не ожидал.

«Уж скорей бы, что ли. Хуже нет – вот так сидеть и ждать... Ничего, скоро все встанет на свои места», – успокаивал он сам себя, отгоняя мысли. Закрыв глаза, но боль в висках не проходила.

– Курить будешь, командир?

– Давай, – и жадно затянулся, пуская дым по земле.

– Вроде бы ротный идет.

– Спите? Где командир взвода? Кто курит?

– Здесь я, – сразу же встал Вольхин.

– Пойдем посмотрим на поле, светает уже.

Вольхин быстро накрутил портянки, обулся и встал, сбрасывая дремоту и оцепенение.

– Что за стрельба? Началось? – полковник Гришин быстро оторвал голову от устало положенных на столе рук, взглянул на часы: «Три десять».

В сознание вошел удаляющийся гул самолетов на большой высоте. Гришин хлопнул ладонью по кобуре, надел пилотку и выскочил из блиндажа.

Несколько парашютистов медленно спускались метрах в пятистах от него. По ним, пока еще в воздухе, беспорядочно стреляли бойцы батальона связи и гаубичного артполка.

– Я сбегая, товарищ полковник, – подошел к Гришину капитан Лукьянюк, командир батальона связи.

– Не надо. Лучше пошли кого-нибудь. Сколько их... С десятков, вряд ли больше. В воздухе перебьют. Пошли Баранова с его собаками.

Минут через двадцать с места высадки парашютистов прибежал лейтенант Баранов:

– Товарищ полковник, перебили всех, одного только взяли. А так – постреляли быстро. Один на березе висит. Человек пятнадцать их было, садились кучно. У нас троих убило, наповал. Пленного сейчас притащат. Сбежались все на него смотреть, как на медведя. Рожа наглая, ростом здоровый, а по виду русский. Переводчик тут оказался, спрашивает по-немецки – молчит. Подумали, может быть он финн, хотели уж бежать искать, кто финский знает, а он вдруг по-русски: «Сволочи!» – на нас! – и – «Гитлер победит!». Кто-то из ребят как врежет ему прикладом по башке...

Гришин слушал Баранова и думал: «Знают ли немцы, что наша дивизия через час пойдет в наступление, и что она вообще здесь? Зачем сбросили парашютистов, да еще в боевые порядки? Или промахнулись?».

Подъехала машина начальника артиллерии дивизии полковника Кузьмина. Вид у него был удрученный и растерянный.

– Иван Тихонович, командующий армией ранен. Ехал из корпуса следом за нами, и надо же – мотоциклисты. Нас не тронули, а по его машине стеганули. Первую помощь оказали, но без сознания...

– А охрана что смотрела? – с укором спросил Гришин.

– Что охрана... Стреляли из засады, на мотоциклы и назад. Догнали, конечно, но...

– Этого нам только не хватало: двоих командующих армией за неделю потеряли...

Гришину стало ясно, что с таким трудом подготовленный контрудар может опять сорваться. Без надежной координации провести его будет крайне трудно, а новому командующему еще придется входить в курс дела, когда пора уже действовать.

– Сосед справа, полтавчане, на подходе, – сказал Кузьмин. – Там тоже негусто: всего три батальона пехоты и две батареи. Их еще в Чаусах мотоциклисты атаковали, прямо на выгрузке из эшелонов. Шныряют по всем дорогам, подлецы.

Полковник Гришин посмотрел на часы: «Скоро начинать!» – и опять подумал, что начинать надо было на два часа раньше, хотя и понимал, что без соседей может залезть в мешок, да и ударного кулака не получится. «Подожли бы в ходе боя соседи, не зря ли теряем время», – думал он, разыскивая в кармане спички.

Последние сутки и особенно эти последние часы перед боем казались ему бесконечными.

2. «Смерть на войне обычна и сурова...»

Старший лейтенант Цабут, то и дело поглядывая на часы и изготовившихся к атаке стрелков своей роты, мысленно подгонял минутную стрелку, стараясь не думать больше ни о чем.

Наконец, ровно в пять, он взмахнул рукой и громко крикнул:

– Рота-а! В атаку – вперед!

И тут же из травы с опушки леса поднялись десятки фигур и шагом пошли вперед, постепенно выравниваясь в линию и набирая уставную дистанцию.

Лейтенант Вольхин, поглядывая, чтобы взвод двигался точно в назначенном направлении и не отставал от соседей, шел чуть сзади. Бойцы шли быстро, винтовки с примкнутыми штыками держали наперевес. С пригорка ему открылась картина атаки всего их батальона, и он невольно подумал: «Будто на маневрах!».

Из леса, примерно в ста метрах сзади, дружно выкатились сорокапятки батареи Терещенко – все шесть, и это придало уверенности.

– Бегом! Бегом! – услышал Вольхин сзади голос ротного.

– Взвод! Бегом! Не отставать! – крикнул Вольхин своим.

Метров триста роты прошли на одном дыхании.

«Почему не стреляют? – беспокоился Вольхин – Неужели в деревне немцев нет?», – и вглядывался в дома, силясь разглядеть между ними человеческие фигуры.

Почему-то появилось желание упасть и осмотреться.

И вдруг, как-то неожиданно резко в утренней тишине, сначала короткими, пристрелочными, потом длинными, с церкви, что белела среди деревьев, ударил пулемет, и почти одновременно Вольхин услышал сухой треск явно автоматных очередей, сразу из нескольких точек. Атакующие частью залегли, частью еще бежали, беспорядочно, но все чаще стреляя из винтовок.

Вольхин упал, но, вскинув голову, стал быстро оглядывать поле, с удивлением понимая, что он не видит своих бойцов. Но нет, вот впереди, и справа, и слева, только приглядеться – наши.

– Вперед! Вперед! – голос ротного сзади. – Не лежать! Бегом! Бегом!

И Вольхин, пересохшим вдруг голосом, тоже закричал:

– Взвод! Вперед! – и видя, как пригибаются, но все же бегут его бойцы, тоже поднялся и побежал.

Над головой с тихим, но жутким шелестом пролетел снаряд, справа и слева раздались гулкие орудийные выстрелы – это сорокапятчики били с коротких остановок.

Впереди с коротким резким свистом ударила в землю пулеметная очередь, и Вольхин упал. Залегли, увидел он краем глаза, и его бойцы. Еще несколько очередей простучали по земле совсем рядом.

– Взвод! – привстал Вольхин на корточки. – Перебежками, справа, слева по одному – вперед!

Цепочка бойцов, падая через каждые пять семь метров и откатываясь от места падения, продвинулась еще метров на сто.

Несколько человек правее Вольхина из соседнего взвода уже лежали далеко позади и не двигались. Двое по-рачьи пятились назад. Вольхин что-то крикнул им, поднялся и зигзагами пробежал вперед еще метров пятьдесят.

Первые дома деревни были совсем близко, но цепь роты расстроилась. Один взвод отстал метров на сто, люди лежали, взвод Вольхина вырвался вперед, а правофлангового за возвышенностью вообще не было видно.

Лейтенант Вольхин видел, что из его взвода далеко позади остались двое, но другие, кто перебежками, кто ползком, все же продвигались вперед.

По ним из-за плетня часто и густо стреляли три автоматчика. Вольхин прополз в цепь, лег рядом с сержантом Фроловым.

– Николай! Видишь его, гада?

– Вижу, командир, да никак не снимем, – ответил Фролов, вдавливая обойму в магазин.

Двое немцев поднялись из-за плетня и, пятясь, прижимая к животу автоматы, стреляли, казалось, прямо по глазам. Вот один из них дернулся, согнулся, роняя автомат, и неловко упал боком. Другой повернулся спиной, но тоже упал, не добежав до хаты несколько метров.

Еще бросок вперед, Вольхин увидел, что с ним справа и слева бегут человек десять.

– Командир, держи первый трофей! – подал Фролов Вольхину немецкий автомат. – Хотя нет, бери лучше мою винтовку.

Вольхин засунул пистолет в кобуру, взял винтовку, передернул затвор.

– Давай вдоль стенки! – махнул он рукой кому-то из своих бойцов.

Проползая между грядками с луком к дому, Вольхин озирался по сторонам, вслушиваясь в треск выстрелов справа и слева. Длинными очередями бил пулемет, сзади совсем близко бухала пушка. В висках стучало, пот заливал лицо, хотя он то и дело вытирал его рукавом.

– А-а-а! – услышал Вольхин и сразу увидел, как дернулся всем телом, взмахивая руками в стороны, его боец Урюпин, бежавший вдоль стенки дома. Немец, выскочивший из-за угла, дал по нему очередь, но и сам рухнул от пуль, выпущенных из трех-четырех винтовок.

Лейтенант Вольхин выскочил за угол на улицу и почти нос к носу столкнулся с немцем. Тот отпрянул, поднимая автомат, но Вольхин выстрелил, не целясь, и в прыжке ударил его штыком в живот. Ощувив, как штык входит в мягкое, он быстро выдернул его, а немец, открыв рот и округлив глаза от боли, сел, потом повалился на бок, подбирая ноги к животу. Вольхину стало не по себе и так противно, что его даже передернуло.

Кто-то потащил его за руку назад к дому.

– Не видишь?

Справа из-за соседнего дома выполз, густо давая газ, темно-зеленый бронетранспортер. Он развернулся на месте, встал и дал длинную и ровную очередь вдоль улицы, поднимая фонтанчики пыли. Потом деловито развернулся и начал бить густыми очередями куда-то вправо.

Вольхин, его сержанты Фролов и Мухин, и еще несколько бойцов залегли за плетнем у дома. Немец, которого Вольхин ударил штыком, лежал впереди на дороге, все еще медленно перебирая ногами. Другой, убитый раньше, валялся сзади, лицом в небо. Вольхин поймал себя на мысли, что смотрит и старается запомнить этого немца: длинное лицо, тонкий нос, впалые щеки, рот в оскале, из-под расстегнутого на груди ворота торчат рыжие волосы. Сапоги короткие, в пыли, каблуки почти новые. «Так вот вы какие, фашисты...».

– Умер наш Урюпин, – услышал Вольхин. – Кончился...

Возле убитого на корточках сидели двое, Борисов и Новиков. Вольхин поднялся, подошел к ним.

– Еще жил немного... Смотри, прямо в грудь попал, – с болью произнес Борисов.

Вольхин посмотрел на Урюпина, и если бы не пятна бурой крови на груди, ни за что бы не поверил, что он мертв. Лицо его не было искажено болью, а волосы еще тихо шевелились от ветерка.

– Дышал минут пять, солнце глазами искал. Видно, понимал, что умирает, – добавил Борисов.

– А там кого у нас убило? – спросил Вольхин, с трудом сглатывая густую слюну.

– Одного знаю – Миляев. Ну, толстый такой. Я к нему подбежал – вся голова в крови, наповал. Ни одного выстрела не успел сделать парень. Второго не видел, не знаю, кто упал.

Батальон капитана Леоненко, куда входила и рота старшего лейтенанта Цабута, после полуторачасового боя зацепился за окраину села, правее вел бой за крайние дома и кладбище батальон майора Московского. Первый натиск атакующих рот был дружным и напористым, и противник, застигнутый врасплох, сумел закрепиться только на середине села, вытянутого полумесяцем больше, чем на километр. Засевшие в домах и на огородах гитлеровцы при поддержке нескольких бронетранспортеров вели яростный огонь, одновременно наводя у себя порядок и готовясь к контратаке.

Лейтенант Вольхин, отдышавшись после первых минут боя, обошел, где согнувшись, где ползком, участок своего взвода, а было это три избы с огородами, и решил броском перейти на ту сторону улицы, откуда постреливали немецкие автоматчики.

Слева, на участке соседней роты, видно было, как из проулка выполз танк, остановился и несколько раз выстрелил по домам напротив.

Видел Вольхин, как наискосок к танку, почему-то на локтях, пополз красноармеец, как он, чуть приподнявшись, бросил бутылку в танк метров с пятнадцати, как мгновенно взлетел факел огня и столб дыма, но из танка почти одновременно ударила струя огня и боец вспыхнул, покатился по дороге, пытаясь сбить огонь. Танк еще дернулся, но из него уже густо валил дым, и столб огня опалил листья стоявшего рядом огромного дуба.

Через улицу побежали наши бойцы, стреляя на ходу, и Вольхин подал команду «Вперед!» и своему взводу. Несколько немцев, отстреливаясь с колен и на ходу, побежали в кустарник за домами, все бросились, было, за ними, но оттуда ударили густые и точные автоматные очереди и Вольхин крикнул своим: «Ложись!»

Стрельба, то затихая, то снова вспыхивая, шла по всему селу. Где-то правее слышались оружейные выстрелы.

Батальон капитана Козлова из 624-стрелкового полка майора Фроленкова с приданной батареей Похлебаева в начале атаки прошел с полкилометра, не встречая немцев, и только когда в деревне, что стояла правее, начал стихать наиболее яростный огонь первых минут боя, по развернутому в линию батальону стали вести огонь несколько групп автоматчиков.

Политрук первой роты Андрей Александров с винтовкой наперевес бежал вместе с ротой вперед, стреляя на ходу и все более чувствуя, как приходит азарт боя и сердце охватывает что-то до сих пор неведомое. Немцы бежали, почти не стреляя, несколько человек из них упали, и через одного Андрей перепрыгнул на бегу, но, достигнув кустарника, гитлеровцы залегли и начали густо поливать атакующих автоматным огнем. Одновременно заработали три их пулемета, и рота залегла.

Перебежками Андрей подбежал к одному командиру взвода, второму: «Давай поднимать людей! Бросок остался!».

Оглянувшись по сторонам, Александров убедился, что рота готова подняться в атаку. Он встал во весь рост и со словами «За Родину! За Сталина!» бросился навстречу свистевшим над головой пулям. Тело само сжималось в комок, но ноги несли вперед, а руки автоматически передегивали затвор винтовки.

В расположении гитлеровцев разорвалось несколько снарядов и пулеметный огонь на время стих. Где-то позади немцев горела машина, поднимались черные разрывы снарядов.

«Хорошо прошли!» – стучало в голове Александра. Сердце колотилось, ноги подкашивались, лицо горело и Андрей, пробежав еще метров двадцать, и видя, что его обгоняют бойцы, перешел на шаг и, наконец, в изнеможении опустил на траву.

Выбив небольшие группы немцев из кустарника, батальон капитана Евгения Козлова вышел к ржаному полю и все три его роты почти одновременно залегли. Справа в деревне шел бой, слева на несколько километров простиралось ровное поле, впереди, до лесочка примерно метрах в восьмистах – тоже поле спелой желтой ржи.

– Пойдем посмотрим, что дальше делать, – позвал капитан Козлов командира приданной батареи старшего лейтенанта Похлебаева.

Его батарея была чуть сзади боевых порядков батальона, действовала четко, а молодой, высокий и симпатичный ее командир сразу понравился Козлову.

Когда они вышли к окраине поля, спереди, из ржи, бойцы замахали руками, давая знаки залечь. Похлебаев опустился на колено.

– Пригнитесь, товарищ капитан. Наверное, автоматчики во ржи засели.

Похлебаев посмотрел в бинокль. Хорошо было видно деревню за полем, Давыдовичи. Из лесочка, что рос впереди, раздавались редкие выстрелы.

– Товарищ капитан, не иначе там и находится штаб Магона.

Над головой просвистели пули. Похлебаев почувствовал, как что-то больно чиркнуло по боку, и упал, зажимая рану ладонью.

«Вот досада, – подумал Георгий. – Хорошо еще, что на излете». Сильной боли он не чувствовал, но ладонь была в крови. Капитан Козлов лежал лицом вверх, на его груди расплывалось темное пятно. – «Ну вот, минуту назад разговаривали...».

Похлебаев вернулся на командный пункт батальона, приказал бойцам вынести тело убитого комбата. Потом собрал ротных. Оказалось, что все они – молодые лейтенанты, и тогда Похлебаев без колебаний объявил, что командование батальоном временно берет на себя. Он поставил лейтенантам задачи и пошел в первую роту.

Через час, ползком по ржаному полю, лишь изредка осторожно поднимая голову, чтобы осмотреться, Похлебаев вывел роту к лесочку, где, как он считал, и располагался штаб командира корпуса Магона. Похлебаев поднял людей, они смелой атакой отбросили несколько небольших групп немецких автоматчиков дальше в рожь. Увидев в рожице наскоро вырытый блиндаж, Похлебаев побежал туда. Здесь уже стояли несколько командиров.

– Ну, молодец, старший лейтенант! – небольшого роста полковник крепко обнял Похлебаева. – Молодец, выручил. А то мы тут вторые сутки сидим. Обложили, как медведей, а победишь по полю – стреляют, как зайцев. Спасибо, сынок. Как тебя звать?

– Командир батареи старший лейтенант Георгий Похлебаев!

– Ну, желаю тебе скорее полковником стать.

Когда группа освобожденных из блокады командиров пошла по указанному им маршруту в тыл, Похлебаев спросил сопровождавшего их лейтенанта, кто с ним разговаривал.

– Полковник Ивашечкин, начальник штаба корпуса, – ответил лейтенант.

Штаб Магона из опасной зоны был выведен, Похлебаев доложил об этом командиру 624-го стрелкового полка майору Фроленкову. Рассказал и о гибели капитана Козлова.

– Жаль, – услышал Георгий сразу упавший голос Фроленкова. – Отличный был командир. На таких как он, наша армия и держится. Не успел повоевать... Похоронили?

– Станет потише – похороним... – и у Похлебаева всплыло в памяти лицо капитана Козлова. Он знал его всего несколько часов, но уже успел почувствовать в этом человеке и характер, и хватку, и знания. – Товарищ майор, кому сдать командование батальоном?

– Командир второй роты живой? Вот ему и сдай.

Васильчиков и Наумов, с самого начала атаки находившиеся в боевых порядках батальона Леоненко и видевшие весь бой своими глазами, скоро убедились, что все их люди атакуют смело, и, главное, умело, были все же удивлены мужеством того бойца, который поджег танк. Когда бой откатился дальше по улице Червоного Осовца, они подошли к этому танку. Люк его был открыт, и изнутри густо несло жареным. Погибший боец лежал посреди дороги, неловко раскинув руки. Наумов снял каску, подошел к нему поближе.

– Вот это герой.. Не помнишь фамилии? – спросил Наумов у Васильчикова.

Лицо бойца было сильно обожжено и опознать его было трудно, а документы в нагрудном кармане сгорели. Погиб боец от выпущенной из огнеметного танка струи.

– Товарищ комиссар, вас майор Московский срочно зовет, – подбежал к Васильчикову красноармеец.

Командир 1-го батальона майор Московский, несмотря на войну все еще краснощекий и полный, сидел на чердаке одного из домов и смотрел на раскинувшееся впереди поле.

– Ну-ка, глянь, – передал он бинокль подошедшему Васильчикову.

И в туче пыли хорошо было видно, как колонна танков из дальнего леса дорогой шла к селу.

– Сколько насчитал?

– Пятнадцать. Да еще часть, несколько единиц, с пригорка спустились в ложбину, не видать. В общем, тридцать, это самое малое. Теперь смотри налево.

Со стороны Давыдовичей тоже шла колонна, но не танков, а автомашин с пехотой.

– У тебя есть связь со штабом полка? – спросил Васильчиков.

– Конечно. Скворцов, дай первого, – приказал Московский стоявшему за спиной сержанту.

– Товарищ первый? Иван Григорьевич, это Васильчиков. Я у Московского... Танки, примерно в километре от нас, не менее тридцати. От Давыдовичей мотопехота подходит... Бери, тебя, – подал он трубку Московскому.

Майор Московский все эти минуты лихорадочно думал: «Что делать? Принять бой в явно невыгодной позиции и против превосходящего противника, или просить разрешения отойти на исходный, на опушку леса, где вполне можно удержаться?».

– Слушаю, товарищ полковник. Как чувствую себя? Неважно. Не удержаться здесь, боюсь – раздавят. Стоит ли рисковать? Есть. Понял, товарищ полковник.

– Ну, что?

– Отходить! Ротных ко мне, быстро! – дал команду сержанту майор Московский.

Он снова стал смотреть в бинокль на поле. «Метров восемьсот... Десять танков пошли влево, на соседа, – с облегчением подумал Московский, – а эти, значит, на нас».

В бинокль хорошо было видно, как с грузовиков посыпалась немецкая пехота. Развернувшись в линию взводов, она споро пошла за танками, которые медленно ползли вперед. «Четко воюют», – смахнул Московский пот со лба и посмотрел на Васильчикова. У того лицо было как всегда спокойным, только со сжатыми до белизны губами.

Танки, оставляя за собой облака пыли и все более увеличиваясь в размерах, начали стрелять с коротких остановок. Сразу несколько взрывов одновременно взметнулись в селе и клубы пыли и огня поднялись над домами.

Получил приказ на отход и батальон капитана Леоненко.

– Вольхин! Давай со своими назад! Скорее! – услышал Валентин сзади голос своего ротного.

А бойцы его взвода уже открыли по наступающей немецкой пехоте беспорядочный огонь.

– Что, так все сразу и побежим? Передают, как котят!

– Взвод Данилова прикрывать останется, у них еще бутылки с горючкой остались.

Вольхин дал команду взводу на отход, быстро пересчитал своих глазами и пошел следом. Бежать было стыдно, хотя и есть приказ отходить. Только после разорвавшегося метрах в пятидесяти от него снаряда, поднявшего высоко вверх комья земли, Вольхин перешел на бег.

«А Урюпин?» – ожгло мозг Вольхина, когда он увидел, как четверо его бойцов, спотыкаясь, тащат на плащ-палатке раненого час назад Новикова. Валентин остановился на мгновение, но в сердцах махнул рукой и побежал дальше. «Ему теперь все равно, кто и как похоронит», – пытался успокоить себя Вольхин. Справа и слева то и дело попадались убитые в начале атаки, и Валентин заставил себя не думать о погибшем Урюпине, труп которого они оставили нем-

цам. «А что скажут ребята? Мог же я распорядиться похоронить его, пока было время...» – сверлила голову мысль.

Капитан Шапошников, с первых минут атаки полка постоянно державший связь с батальонами и только изредка выходявший на опушку леса, чтобы собственными глазами посмотреть на ход боя, скоро по характеру докладов комбатов, да и по тому, что видел сам, стал понимать, что их успех временный. Батальоны расходились в стороны, промежутки между ними увеличивались, и даже без бинокля было видно, что бой за село явно затягивается. Он не слышал разговора Малинова с Московским, но, вернувшись в блиндаж, по лицу командира полка понял, что обстановка резко изменилась к худшему.

Связи с батальонами Леоненко и Московского уже не было, лейтенант Денисенко, начальник связи полка, встретив Шапошникова у входа в блиндаж, сказал, что батальоны получили приказ командира полка на отход, связисты сматывают провода. Шапошникову стало неприятно, что всего за несколько минут, пока он с опушки наблюдал в бинокль за действиями батальонов, обстановка круто изменилась, а он ничего об этом не знает, и что командир полка принял решение отходить, не посоветовавшись с ним.

– Московского и Леоненко атакуют крупные силы противника, Александр Васильевич. Я дал приказ отойти на исходный, – услышал сзади Шапошников неуверенный голос Малинова.

Впереди, у наблюдательного пункта полка, разорвалось несколько снарядов, один из них с громким треском переломил пополам большую сосну.

Шапошников вышел из блиндажа и с опушки леса снова стал наблюдать за полем боя. Видно было не все, только часть батальона Леоненко, но и из той картины, что он увидел, было ясно: утренняя атака сорвалась. Через ржаное с черными проплешинами поле бежали к лесу цепочки и сбившиеся в группы бойцы, следом за ними ползли танки. Шапошников, быстро переводя бинокль слева направо, насчитал их восемь, но отметил про себя, что идут не густо, с интервалами между машинами в среднем около ста пятидесяти метров. За танками бежала довольно редкая цепочка автоматчиков.

«Ничего, отобьемся», – подумал Шапошников и спросил стоявшего рядом старшего лейтенанта Меркулова, начальника артиллерии полка:

– Где батарея Терещенко? Почему не ведет огонь?

– Только что отошла на исходный, сейчас будет готова. Не беспокойтесь, товарищ капитан, в чистом поле с опушки леса танки жечь будет еще удобнее.

– А сколько с утра танков подбили? Есть данные?

– Точно сказать трудно. Знаю, что у Терещенко подбили два, да два силами пехоты, но это только начало.

Шапошников снова стал смотреть в окуляры бинокля на немецкие танки. Один из них выстрелил на ходу, другой полыхнул огнеметом перед собой и рожь мигом вспыхнула густым черным пламенем. «А это что?» – Шапошников с удивлением наблюдал, как двое бойцов на ходу забрались на танк, бросили плащ-палатку на триплексы и ослепшая машина встала, потом дала задний ход и резко крутнулась на месте, а потом вдруг вспыхнула. «Ну и молодцы ребята, – весело подумал Шапошников. – Хорошо придумали. А ведь не учили такому!». Переведя бинокль на следующий танк, он поймал в окуляр чуть согнувшегося, бежавшего навстречу танку нашего пехотинца. «Срежет пулеметчик из танка!» – подумал Шапошников, но боец присел, потом снова показался из ржи уже сбоку от танка, залез на него на ходу, опустил гранату в открытый люк и нырнул с брони в рожь, словно в воду. Шапошников не слышал взрыва в танке, но машина, пройдя еще несколько метров, встала и из люка густо повалил дым.

– Меркулов! Ты смотри, что они делают! Так и артиллеристам работы не останется!

Расчеты сорокапятков готовились к открытию огня, а к линии орудий подбегали, валились в траву и тут же начинали окапываться отступавшие бойцы.

– Ребята, быстрее, быстрее! – слышал Шапошников чей-то охрипший, но еще сильный голос. – Петров! Кононов! Занимайте оборону левее Маслова, да не жмитесь к нему, – кричал взводный, расставляя своих людей. – Через пять минут чтоб всем зарыться!

«Да, через пять минут, не больше, танки будут уже здесь, – с холодком в душе подумал Шапошников, – если, конечно, Терещенко их не завернет».

Оставшиеся шесть танков, что были в поле зрения Шапошникова, сбавили ход, поджидая свою пехоту, потом четыре их встали и начали неторопливо стрелять по опушке, а два крайних справа продолжали двигаться. Рожь перед ними совсем сгорела и танкисты, видимо, уже не опасались получить бутылку с горючей смесью на двигатель.

Шапошников вернулся в штабной блиндаж.

– Капитан, ставьте задачу Горбунову. Пусть занимает участок в затылок Московскому, у него две роты еще не вышли из боя, – приказал Шапошникову полковник Малинов.

– Слушаюсь. С Малых есть связь, Денисенко? – спросил Шапошников.

– Есть, товарищ капитан.

– Возможно, придется вызывать заградительный огонь в ближайшие полчаса, – сказал Шапошников, заметив удивление в глазах Малинова. – Меркулов, у вас готовы данные для стрельбы?

– На три варианта. О взаимодействии договорились. Помогут нам, если сами не справимся.

– Я вам нужен сейчас, товарищ полковник? – спросил Шапошников Малинова.

– Что вы хотели?

– Проконтролировать, как встанет батальон Горбунова и еще раз проверить оборону у Леоненко. С минуты на минуту надо ждать танковой атаки.

На выходе из блиндажа лейтенант Тюкаев, первый помощник Шапошникова, сообщил ему, что в полосе полка, по последним данным, разворачиваются для атаки еще три группы танков, примерно по десять машин в каждой.

Теперь от командного пункта полка до линии обороны было всего метров триста, и Шапошников, поставив задачу батальону Горбунова, поспешил на пригорок, откуда были более-менее видны действия батальона Леоненко и отошедшей роты батальона Московского.

Танки, а их было видно теперь пятнадцать, двинулись в атаку. Те два, что и до этого шли без остановки, выползли почти на опушку, встали и начали густо поливать свинцом редкие стрелковые ячейки. Один танк вскоре загорелся, подожженный кем-то из батареи Терещенко, а второй, чувствуя, что сзади его прикрывает пехота – подбежали десятка два автоматчиков – смело рванул вперёд.

«Ну вот, сейчас сделает рывок, подлец, и выйдет прямо на командный пункт полка», – с тревогой подумал Шапошников, разглядывая в бинокль темно-серую тушу танка.

Впереди, справа и слева началась густая ружейно-пулеметная стрельба, где-то справа за кустами бабахала сорокапятка. От смело идущего вперед немецкого танка отбегали в стороны наши пехотинцы, изредка постреливая с колена или на ходу.

– Разрешите я сбегаю, товарищ капитан!

– Куда? – не понял Шапошников, и уже видя, что справа от него кто-то побежал навстречу танку, повернулся к лежавшему рядом лейтенанту Тюкаеву: – Это кто? «Сбегаю!». Что, жить надоело?

– Это Чайко, товарищ капитан. Мой боец, когда я еще пулеметным взводом командовал.

И Шапошников сразу вспомнил этого паренька. Кажется, белорус. Вчера привел пленного мотоциклиста, который и сообщил, что перед ними 4-я танковая дивизия. Этот пленный был первым в полку.

Чайко короткими перебежками, по дуге, подбежал к танку метров на пятнадцать. Перекатился, чуть привстал и швырнул связку гранат под гусеницу. Танк от взрыва чуть вздрог-

нул, прошел еще несколько метров, разматывая гусеницу, и встал. Из люка вылезли двое, но не в комбинезонах танкистов, а... в трусах и в майках.

Чайко лежал лицом к небу – в момент броска гранат его срезали автоматными очередями бежавшие за танком пехотинцы.

Тюкаев, побелевший от напряжения и злости, бил кулаком по земле:

– Такого парня! Да бейте же их! Савин, Рудяк!

Лежавшие рядом красноармейцы из комендантского взвода открыли беглый огонь, и оба выскочивших в одних трусах танкиста через несколько секунд корчились в предсмертных судорогах. Автоматчики, бежавшие за танком, увидев, что их прикрытие загорелось, не залегли, а наоборот перебежками по двое-трое, беспрерывно стреляя, пошли вперед.

– Надо отходить нам, товарищ капитан, – сказал Тюкаев, трогая Шапошникова за рукав. – Эх, жаль парня. Шел почти на верную смерть. И никто же не посылал, сам поднялся.

Батальон капитана Козлова и приданная ему батарея Похлебаева после первой успешной атаки рано утром и после освобождения из окружения штаба корпуса перешли к обороне. К счастью, это было сделано вовремя. Из тех тридцати танков, что насчитал майор Московский, десять повернули на батальон Козлова. Те минут двадцать, не больше, что оставались до новой схватки, бойцы батальона лихорадочно зарывались в землю. Взводные еще не успели обойти своих людей, как на позициях батальона начали рваться снаряды.

Политрук роты Андрей Александров за эти минуты, перекрывая все нормативы, успел выкопать окопчик до пояса. Он вытер пилоткой лоб и принялся считать танки, прикидывая расстояние и скорость. Танков было десять, шли они веером, ровно, красиво и жутко. За ними с интервалами метров в пятьдесят в несколько цепей шла пехота. «Даже с барабанами! – ахнул Андрей. – Как психическая атака в „Чапаеве“! Ну и нахалы! Да мы же лучшая дивизия Красной Армии и нас – брать на испуг? И куда прут – у нас же пятьдесят пулеметов в батальоне».

Андрей еще раз посмотрел на спешно отрытые по сторонам окопчики и ячейки. На виду было их несколько десятков, сколько-то скрыто пригорком и кустарником, но все равно это был батальон почти штатного состава. Теперь, после первой их успешной атаки, страх и скованность исчезли совсем. Остались лишь злость и азарт предстоящего боя.

Сзади, словно детонируя друг от друга, раздалось пять или шесть оружейных выстрелов из 76-миллиметровых орудий, потом еще примерно столько же, но послабее басом – сорока-пятюк. Два танка остановились и загорелись от первого же залпа, через несколько секунд еще один, на всем поле одновременно по три-четыре вставали и оседали пыльные разрывы. Танки и пехота прибавили скорости, открыв огонь на ходу, но уже метров через двести, когда заработали все полсотни пулеметов батальона, атака немцев застопорилась и их цепи залегли. Танки встали, стреляя с места, но скоро начали пятиться один за другим.

Через несколько минут боя политрук Александров, оторвавшись от винтовки, насчитал шесть подбитых и горевших танков. В глубине обороны у немцев горело что-то еще, очевидно автомашины. Серые фигурки автоматчиков откатывались, прикрывая друг друга огнем во время перебежек. Андрей принялся, было, считать лежавших немцев, но, насчитав на сотне метров слева, что ему было хорошо видно, больше десятка, бросил, над головой свистели пули, высовываться было опасно.

Непрерывный и сплошной треск пулеметов, достигший максимума на несколько минут, прекратился почти мгновенно. Когда гитлеровцы откатились, стрельбу вели всего один-два пулемета, словно что-то подчищая впереди.

Старший лейтенант Похлебаев, хотя его батарея и подбила два танка из шести, стрельбой был недоволен: можно было сжечь и больше. Остальные четыре танка подбили какие-то левофланговые орудия батареи Терещенко и батарея 278-го легкого артполка полковника Трофима Смолина. Да и заплатить за эти два танка Похлебаеву пришлось дорого: был убит лучший

наводчик его батареи сержант Печенкин и тяжело ранен осколком в горло командир огневого взвода лейтенант Стариков. Похлебаев поставил вместо него бывшего до этого на боепитании лейтенанта Николая Агарышева, который все это утро так и рвался в бой.

Когда атака немцев захлебнулась и даже им, наверное, стало ясно, что здесь не прорваться, на батарею прискакал старший лейтенант Меркулов. Еще с коня он видел, как немецкий танк крутился на позиции взвода Старикова, как подмял под себя не успевшего бросить гранату под гусеницы лейтенанта Тихонова. Меркулов соскочил с коня рядом со стрелявшим из пулемета лейтенантом Федором Павловым, на голове которого белели бинты. Позади промчался на коне Агарышев, размахивая клинком, а за ним две упряжки с орудиями. – «Позицию меняют или в тыл?» – пронеслось в голове у Меркулова.

Подошел Похлебаев.

– Да-а, ну и картина у тебя... – с восхищением протянул Меркулов.

Вся огневая позиция батареи была перепахана снарядами, хотя орудия один от другого стояли на расстоянии до пятидесяти метров. Одно орудие с помятым лафетом покосилось на разбитое колесо, второе, тоже поврежденное, смотрело в сторону, на горевший немецкий танк.

– Все твои? – кивнул Меркулов на три дымивших перед батареей танка и пять бронетранспортеров.

– Моих два, третий – Терещенко, а бронетранспортеры – все его, – ответил Похлебаев.

Меркулов еще раз оглядел позиции батареи: у ближайшего орудия навалом лежали стреляные гильзы, ящики, что-то дымилось, сутились артиллеристы.

– Терещенко молодец, и орудия расставил хитро. У него Ленский два танка подбил, да Лопатко один. Там они, представляешь, один танк подожгли всего метров с пятидесяти, в бок... Слушай, Георгий, – после паузы с болью в голосе сказал Меркулов: – Вася Сасо убит.

Похлебаев прикусил губу, покачал головой.

– Поедем попрощаемся. Сейчас его хоронить будут, пока тихо. Где у тебя конь?

– Езжай, я догоню.

Лейтенант Василий Сасо, красавец парень, всего лишь три часа назад заразительно смеявшийся, когда рассказывал, как его бойцы гнали немцев, теперь лежал мертвый под березой у своей могилы.

Подъехал Похлебаев. Все, стоявшие у могилы, были друзьями: Терещенко, Иванов, Меркулов, Агарышев. Вместе начинали службу в полку, вместе бегали на танцы, потом гуляли друг у друга на свадьбах и никому тогда в голову не приходило, что им скоро придется и хоронить друг друга.

– В полном сознании умирал, – тихо сказал Иванов подошедшему Похлебаеву, вздохнул, разгоняя спазмы в горле, и добавил: – три бронетранспортера подбил... И помочь никак нельзя: осколки в шею и в грудь... Как не хотел... – не закончил фразы Иванов, закрывая пальцами глаза.

– Пора опускать, – сказал кто-то из стоявших у могилы.

Все по очереди поцеловали Васю в холодный лоб и неумело, но бережно опустили его тело в могилу.

Второй дивизион 497-го гаубичного артполка майора Ильи Малыха по плану боя должен был встать левее 1-го батальона полка Фроленкова и прикрыть дорогу Давыдовичи – Грязивец.

Дивизион выдвинулся на указанный рубеж к восьми часам утра. Хорошо было слышно, как справа, километрах в двух, шел бой и капитан Найда, командир дивизиона, отдав распоряжения командирам батарей на занятие боевых порядков и устройство наблюдательных пунктов, решил съездить поискать свою пехоту и вообще осмотреться.

– Житковский! Берите Мальцева, троих с рацией из управления, и быстро в машину, – приказал он своему начальнику штаба. – Поедем на рекогносцировку.

Дивизион растянулся по дуге почти на два километра, по опушке леса вдоль дороги. Впереди было только поле, справа, вдалеке, деревня, а еще правее, за бугром, шел бой.

Капитан Найда, когда проехали на машине с полкилометра в направлении деревни, застучал по кабине:

– Стой! Что это за колонна пылит?

Но и без биноклей хорошо было видно, как от Давыдовичей выворачивает вдоль позиций дивизиона колонна танков.

– Может быть, наши? – неуверенно спросил старший лейтенант Михаил Житковский. – Идут вдоль фронта.

– Не видно ни черта, сплошная пыль, – капитан Найда опустил бинокль. – Пожалуй, это немцы. Не меньше десяти танков. – Чилин! – позвал он радиста. – Передай на батарею: приготовиться к открытию огня прямой наводкой. Разворачивай! – крикнул он шоферу.

«Вот и началось», – подумал старший лейтенант Житковский. Как ни готовил он себя к первому бою, а все же не думал, что он начнется так, практически сходу. «Еще хотя бы часок на подготовку... Как же мы без пехоты будем, да еще на прямой наводке...».

Справа, метрах в двадцати, разорвался снаряд – стреляли из колонны.

Машина на предельной скорости понеслась прямо по ржи, оставляя за собой длинный хвост пыли, и Житковский, оглядываясь назад, потерял, было, колонну танков из виду, как позади, примерно в километре, одновременно встали еще несколько разрывов.

– Наши уже бьют! – крикнул сержант Чилин.

– Смотрите, справа еще какая-то колонна! – крикнул лейтенант Мальцев, начальник разведки дивизиона. – И обе на дивизион разворачиваются, товарищ капитан. Неужели заметили нас?

– Вовремя мы встали! Опоздай хотя бы на полчаса – проскочили бы они по этой дороге вперед, куда им надо, – капитан Найда говорил уверенно, словно бой уже закончился победой, хотя самое главное было еще впереди.

Расчеты на огневых работали вовсю, когда машина с командиром дивизиона и управлением въехала на батарею лейтенанта Сахарова.

– Житковский! Оставайтесь здесь, поможете, а я к Емельянову! – крикнул капитан Найда, слезая с машины. – Смотри, почти все на батарею ползут! Я от Емельянова разверну пару орудий на них.

Танки, обе колонны, Житковский насчитал машин двадцать, развернулись в боевую линию и на скорости шли на батарею. Он посмотрел на часы: «Ездили всего двадцать минут!». Батарея лейтенанта Сахарова полгода назад была его батареей, Житковский еще не успел как следует привыкнуть к своей новой должности начштаба дивизиона, в «своей» батарее бывал часто, гордился, что она так и осталась лучшей в полку, и вот – начинается экзамен, как она себя покажет в настоящем бою.

Житковский подбежал к лейтенанту Сахарову:

– Я буду у третьего и четвертого орудий, а ты переходи к первым двум.

Как начальник штаба дивизиона, по уставу он должен был находиться на НП, и эта мысль в первые минуты боя не давала ему покоя, что с самого начала они воюют не так, как полагается по уставам. Но обстановка складывалась так, что ему важнее было быть сейчас именно на батарее.

Все орудия вели беглый огонь по приближающимся танкам, но попаданий не было.

– Ребята! Не волноваться, действовать, как на полигоне, наводите не торопясь! – подбадривал Житковский расчет третьего орудия.

– Вроде задымил один! – оторвался наводчик от панорамы орудия.

– Горит! Горит! – закричал замковый.

– Ну, теперь дело пойдет, – повеселел Житковский.

Сзади, метрах в десяти, встал огромный столб разрыва, потом еще один, очень близко слева.

Старший лейтенант Житковский корректировал огонь двух орудий еще минут десять, которые показались ему часом, такое было напряжение. Он даже не сразу понял, что танки отползают, выходят из боя. Только когда танки отошли за бугор, в рожь, он дал команду прекратить огонь.

Перед позициями батареи стояли пять танков. Один горел густо и смрадно, остальные дымили еле заметно.

Михаил Житковский, ощущая в теле усталость, какой он не знал даже после самых тяжелых учений, пошел к орудиям лейтенанта Сахарова.

Первое орудие было искорежено совершенно, и, судя по небольшому количеству гильз, в самом начале боя. У орудий лежали двое убитых из расчета. Житковский узнал обоих и невольно содрогнулся: это были его старые бойцы – Лазарев, наводчик, и Истомин, замковый. «Столько учились, и в первом же бою...», – с горечью подумал Житковский.

Недалеко от огневой, в ровике, фельдшер перевязывал плечо голому по пояс бойцу.

– Много раненых на батарее, Дурманенко? – спросил Житковский.

– У этих орудий семь человек, товарищ старший лейтенант. Трое очень тяжело, – ответил фельдшер и добавил дрогнувшим и тихим голосом. – Лейтенанта Сахарова убило.

– Как убило? – оторопел Житковский.

Ему не хотелось верить, что убитые на батарее будут в первые же часы войны, и что погибнет именно Сахаров, этот невозмутимый здоровяк, в котором силы было столько, что, казалось, хватит не на одну войну.

На огневой второго орудия, у зарядных ящиков, лежали трое, прикрытые плащ-палатками. В одном из них, по белым, как лен, волосам, Житковский узнал Сахарова.

– Как все получилось-то, – начал торопливо рассказывать лейтенант Василий Свиридов, командир штабной батареи полка. – Первый танк он подбил, этот вот, смотри, – показал он на груды металла метрах в двухстах от них, – а второй – прямое попадание снаряда в орудие, весь расчет побило, а он тут рядом лежал, немец из танка вылез, начали перестреливаться из пистолетов. Немца Сахаров убил, но тут пулемет из танка, и прямо ему в голову.

– А ты как здесь оказался?

– Подошел, когда они на пистолетах начали... Малых послал вам на помощь. А второй танк покрутился да так и ушел.

Дивизион капитана Найды атаку танков отразил, хотя и с большими потерями. Майор Малых, когда бой закончился, осмотревшись, решил отвести дивизион Найды несколько назад, ближе к деревне и расположить его на более узком фронте, так как без пехоты дивизиону на таком участке действовать было рискованно, тем более, что по условиям местности очередная атака гитлеровцев могла быть только через деревню.

Полковник Гришин с самого начала утреннего боя вникал даже в действия рот на отдельных участках, благо у него под рукой и было теперь чуть более половины дивизии. Часам к девяти утра он убедился, что первый успех встречного боя был временным. Из различных источников удалось установить, что перед ним и соседями действует не только 4-я танковая дивизия немцев, но и 10-я моторизованная. Как он и ожидал, гитлеровцы, быстро опомнившись от первого, довольно напористого удара одной пехотой, скоро пришли в себя и ввели в дело танки. Сначала они атаквали сравнительно небольшими силами полк Малинова, батальон Козлова и дивизион Найды, стараясь, очевидно, нащупать щель и, не особенно ввязываясь в бои, прорваться на Пропойск, но Гришин чувствовал, что они где-то попробуют развить

успех или ударят южнее. По сообщению соседа справа, от полтавчан, немцы атаковали и там, но послабее, чем у него. Командир 132-й Полтавской дивизии генерал Бирюзов в разговоре с Гришиным даже посочувствовал ему: «Мне видно, что у тебя там все горит. Наверное, жарко, да? Сколько танков подбил?».

Гришин понял, что пробиваться к Пропойску через дивизию Бирюзова немцам нет особого резона: заплутают в лесных дорогах под Чаусами, и, стараясь поставить себя на место командира немецкого корпуса, понял, что гитлеровцам удобнее всего ударить через Долгий Мох. Оттуда на Пропойск выйти было проще всего.

Долгий Мох он закрыл батальоном Лебедева из полка Фроленкова и дивизионом из 278-го легко-артиллерийского полка Смолина, но после форсированного ночного марша прямо с выгрузки батальон вряд ли успел как следует закрепиться. Была надежда, что гитлеровцы потеряют несколько часов в бою с полком Малинова, и она, к счастью, оправдалась. Его полк до полудня отбил еще две атаки танков силами по восемь-двенадцать машин при поддержке минометов и автоматчиков, и только после мощного заградительного огня гаубиц майора Малыха танки шарахнулись назад, а потом, колонной машин в пятьдесят, потекли на Долгий Мох, оставляя и полк Малинова, и батальон Козлова левее.

Бойцы этих батальонов, после того, как отбили третью атаку, уже без танков, сами пошли вперед, сцепились во многих местах с сильными группами автоматчиков и вели бой до вечера. Некоторые взводы и роты батальона майора Московского даже углубились на запад до пяти километров, и этого делать было нельзя, так как батальон залезал в мешок да к тому же нарушалось и без того неустойчивое управление.

Сразу после полудня полковник Гришин еще раз связался со своим замполитом Канцедалом, с ночи находившимся в полку Смолина у Долгого Мха.

– Слушаю, Иван Тихонович! Началось и у нас! – докладывал Канцедал. – Представляешь, что за картина сейчас была: мы на седловине – немцы внизу, идут колонной, автомашины, мотоциклисты. Я сначала подумал: что за безграмотность, идут даже без разведки. А они, оказывается, просто обнаглели. Прут, как будто на марше. Батарея на прямой наводке стояла – как дали залпов десять! Колонну остановили, а машин двадцать так просто с землей смешали.

– А танки были? – спросил Гришин.

– Видишь ли, это все вот только-только происходило, о танках не сообщали. Но, возможно, за автомашинами идут и танки. Как там у вас? Слышали, грохот сильный стоял.

– Жди танки. У нас нормально, отбились. Теперь они на вас попрут. И, думаю, посильнее, чем на нас. С соседом слева связь есть?

– Есть. Да здесь всего два батальона, а растянуты километров на десять. Сплошного фронта нет. Боюсь, не удержатся, если противник свернет от нас на них.

Адъютант старший батальона Лебедева лейтенант Лукьян Корнилин после первых удачных залпов, когда батарея артполка Смолина да своих два орудия расхлестали автоколонну гитлеровцев, заметно приободрился.

«Не так уж страшен, оказывается, немец, бить можно», – весело подумал Корнилин. Но когда он посмотрел в бинокль в сторону немцев, у него скоро само собой неприятно засосало под ложечкой: показалась колонна танков. Он насчитал их восемь и сбился, дальше уже ничего не было видно в сплошной пыли.

Танки деловито, хорошо отработанным маневром развернулись в линию, за ними спешивалась с автомашин пехота, сноровисто разбегаясь за танками, и вся эта лавина уверенно, как будто на учениях, и, казалось, совершенно без страха, покатила на батальон.

Но вот раздались частые разрывы снарядов – слева, справа, позади, Корнилин с изумлением заметил, что от скотных дворов в деревне бревна взлетают, как спички. Захлопали и наши орудия, но все реже и реже. Корнилин видел, что расчеты обоих орудий, стоявших перед ним,

уничтожены, одно орудие на боку, а второе вверх колесами. Несколько танков стояли и горели. Но считать их было некогда. Корнилин только успевал обзванивать роты и смотреть, чтобы никто не выскакивал из окопчиков и не бежал назад.

Капитан Лебедев уже лежал за санитарной палаткой, раненый в грудь и в плечо, из шестой роты сообщили, что убит ее командир лейтенант Петров, потери большие везде, да Корнилин видел и сам, как танки крутились на окопчиках, догоняли и давили выскакивавших из них пехотинцев. Не в силах изменить ход боя или хоть как-то повлиять на него, Корнилин то и дело кричал в трубку, чтобы остановили два танка, прорвавшихся на левом фланге, отсекали пехоту, не давали ей подняться. Но его команды или не выполнялись, потому что их было невозможно или некому выполнять, или просто не воспринимались.

Почувствовав невероятную усталость, Корнилин взглянул на часы: «Еще только пятнадцать минут боя?».

Справа через окопчик прошел танк и, набирая скорость, устремился на орудие, стоявшее к нему боком. Корнилин видел, как расчет развернул орудие градусов на тридцать, как первым же снарядом зажег танк метров со ста, как с другого танка выстрелили из пушки поднялся столб земли с дымом слева, потом справа...

– Лейтенант! – закричал Корнилин, не понимая, что вряд ли его услышат в таком грохоте. – Ты в вилку попал! Ложись!

Но лейтенант, чуть пригнувшись, скомандовал «Огонь!» и через секунду исчез в разрыве. «Ужас! Неужели так бывает!» – оцепенел Корнилин.

В окопчик к нему кто-то прыгнул. Корнилин быстро оглянулся – майор Фроленков.

– Где комбат?

– Капитан Лебедев ранен, я за него, – доложил оторопевший от неожиданной встречи с командиром полка Корнилин.

Майор Фроленков, мужчина подвижный и шумный, одним своим появлением, как показалось Корнилину, разрядил обстановку.

– Ну что: артиллерия работает прекрасно, цели искать не надо. Сколько горит? А, и потом сосчитаем! Никто не прорвался? Справа и слева им не обойти – лес и овраг. Пехота держится... Потери в любом бою, главное – дело сделать! Связь со всеми ротами есть?

– Сейчас только со второй. Рвется то и дело, товарищ майор.

– Это бывает, – и, махнув адъютанту рукой, чтобы следовал за ним, Фроленков ловко вылез из окопчика и побежал на левый фланг батальона, в первую роту. Там, на исполосованном гусеницами поле, стоял и густо дымил легкий танк, развалившийся до этого не один окопчик и все же подожженный кем-то из пехотинцев. Метрах в ста от него стояли еще два немецких танки и стреляли с места, перепахивая почти в упор неглубокие окопчики с согнувшимися в них в три погибели оглушенными пехотинцами.

Из-за танков постреливали автоматчики, не давая бойцам поднять головы.

Фроленков, обойдя окопчики на фланге, вскоре вернулся к Корнилину.

– Нет, пожалуй, не поднять. Пока танки не сожжем, не поднять пехоту.

«А какой смысл ее вообще поднимать?» – устало подумал Корнилин.

Но майор Фроленков уже бежал к артиллеристам, стоявшим чуть сзади. Там оставались всего три орудия, но стреляли они безостановочно, поэтому казалось, что их здесь целая батарея.

Фроленков узнал в быстро ходившем от орудия к орудью полковника Смолина, командира 278-го легкоартиллерийского полка.

– Ребята! Аккуратней стреляйте! Стреляете слишком много, к вечеру без снарядов останемся!

Полковника не слушали, да и не видели в горячке боя, орудия методично выплевывали снаряд за снарядом, и расчеты работали, как заведенные.

– Товарищ полковник! – козырнул майор Фроленков. – Надо бы вот те два танка подбить, на правом фланге. Я потом пехоту подниму. Ударим во фланг, и они все здесь побегут, как миленькие.

Смолин выслушал, кивнул, сам пошел к орудию, и Фроленков увидел, как он что-то объясняет наводчику.

Прогнать эти танки не удалось, но, постреляв с полчаса, они и сами ушли из боя, а за ними откатились и автоматчики.

Лейтенант Корнилин, чувствуя, как постепенно отходит от грохота голова, и все еще не веря, что они удержались, начал внимательно осматривать поле только что закончившегося боя. Медленно водя биноклем слева направо, он считал танки, стоявшие и дымившие на всю глубину поля. «Тринадцать, неужели столько подбили?» – не верил он, пересчитывая их еще раз. Потом Корнилин заметил, как вышедшие из боя танки, выстраиваясь в походную колонну, начали вытягиваться куда-то еще левее, на соседа. Танков было много, не менее сорока, но проходили они уже в зоне недосягаемости артиллерии, забирая все больше влево.

Ближе к вечеру 13 июля полковник Гришин, переговорив со своим начальником штаба Ямановым, убедился, что нигде в полосе его дивизии немцы не прошли, хотя щели в ее обороне и были. Звуки боя раздавались севернее и южнее, но вечером гул танковых моторов и приглушенные выстрелы стали слышны и в тылу дивизии. Связи с соседом слева не было часов с четырех, сосед справа отошел еще раньше. Посланные на фланги делегаты связи вернулись ни с чем – никого, ни своих войск, ни противника нет. Но хорошо слышен шум моторов, удаляющийся на Пропойск. Прервалась связь и со штабом 20-го корпуса генерала Еремина.

К вечеру полковник Гришин переехал на командный пункт полка Малинова. Вот уже несколько часов он не знал, что делать дальше. Сначала ждал известий от делегатов связи, посланных к соседям, и связи со штабом корпуса, потом, когда понял, что дивизию обошли с флангов, приказал выводить из боя забравшиеся далеко вперед подразделения батальона майора Московского. Было ясно, что поставленную задачу – сбросить противника в Днепр – дивизия не выполнила, и теперь, в создавшейся сложной обстановке, не выполнит. Гришин успокаивал себя, что, по крайней мере, не пропустил противника на своем участке, задержал на полдня, если не больше.

Услышав, как недалеко от блиндажа завели трактор-тягач, Гришин выскочил с пистолетом:

– Стоять! А ну – глуши! Куда собрались?

Чувство неизвестности, очевидно, передалось и бойцам – кто-то готовился к отступлению.

– Лейтенант! – крикнул Гришин пробежавшему неподалеку командиру.

– Лейтенант Степанцев! – козырнул тот.

– Знаете, где батальон Московского? Поторопите его, чтобы быстрее возвращался на исходный.

Степанцев краем глаза увидел в блиндаже полковника Малинова. Его вид, уныло облокотившегося на стол, словно говорил: «Вот влипли...».

Степанцев побежал исполнять приказание, но метров через триста навстречу ему попала группа командиров, посланная за батальоном раньше. За ними нестройной колонной брели бойцы.

Один из них, из первых рядов, вышел к Степанцеву:

– Товарищ лейтенант, где санчасть?

У бойца, показалось, оторван подбородок – лицо и гимнастерка до самого пояса в крови. Степанцев невольно содрогнулся: «Неужели живой останется?» – и махнул рукой в направлении санчасти.

Замполит полка батальонный комиссар Петр Васильчиков, весь день пробывший в боевых порядках батальонов и несколько раз лично поднимавший бойцов в контратаки, думал, что должен бы устать за этот день – ни разу не присел, но в теле чувствовалась легкость, какая бывает, когда человек делает любимую работу. Вспомнив, что он не побывал в санчасти, Васильчиков поспешил туда. Несколько палаток под соснами было окружено по меньшей мере десятком повозок с ранеными. Васильчиков подошел к медику, делавшему перевязку плеча.

– Как тут у вас дела, Елисеев? – спросил Васильчиков, узнавая в черноглазом молодом медику начальника аптеки полка. – Как вели себя раненые?

Елисеев закончил перевязку и отправил раненого к повозке.

– Первые раненые стали поступать примерно через час после начала боя, – стал рассказывать Елисеев. – Ранения были в основном пулевые, в грудь, в конечности, средней тяжести. И, что интересно, никто даже не стонет, когда перевязываешь. Все были очень возбуждены боем. Один то и дело повторял: «Я, кажется, двоих-троих уложил», – другой стрелял, говорит, по пулеметчику, но не знаю, попал ли, обидно. Большинство раненых из приписного состава, кадровых мало. Я ведь их всех в лицо знаю. Было несколько случаев, что после перевязки уходили в свои роты.

Васильчиков, оглядывая повозки с ранеными, мысленно считал, сколько их здесь. Если пятнадцать повозок, на каждой в среднем по четыре человека...

Елисеев поймал его взгляд.

– Часть уже отправили, товарищ комиссар, тяжелораненых, двадцать человек. Автобусом вывезли, еще днем. Да в палатках много лежат, не знаю, сколько, доктор Меркурьев обрабатывает, – Елисеев хотел сказать, что за день через санроту полка прошло более ста пятидесяти человек, но подумал, что эта цифра может быть неправильно истолкованной, и промолчал.

– Товарищ комиссар, – подбежал к Васильчикову старший лейтенант Меркулов. – Ищу вас везде.

– Что случилось? – Васильчиков отошел от Елисеева.

– Вот какое дело, – неуверенно начал Меркулов. – Бойцы расстреляли своего командира взвода. Может быть, помните – младший лейтенант Лавренюк.

– Из новеньких, кажется? А за что и как?

– Да когда три часа назад загудело в тылу, к Пропойску, он собрал свой взвод, объявил, что наш полк разбит – вот ведь подлец! Они, мол, в окружении, можно разбежаться. Ну, бойцы, не долго думая, его к сосне и поставили. Потом пришли ко мне и рассказали.

– И правильно сделали! Плохо, конечно, что самосуд, это они сгоряча, но в целом правильно поступили. Значит, люди не считают, что их полк разбит. Настроение у них боевое, хотя и в окружении, не поддались паникеру. Значит, верят нам. Ну, а что нашелся на полк один трус и подлец – что ж поделаешь: в семье не без урода.

К сожалению, это было не единственное ЧП в полку. В начале боя к гитлеровцам в полном составе перебежала стрелковая рота первого батальона, полностью укомплектованная немцами Поволжья. Перестреляли своих русских командиров взводов, командира роты лейтенанта Устинова и – с белыми платками на штыках – к противнику. Васильчиков вспомнил, сколько раз он требовал от командира полка Малинова расформировать эту национальную роту, но всякий раз получал отказ. Эта рота, как нарочно, оказалась лучшим хором в дивизии: песни о товарище Сталине пели лучше всех. «Куда смотрел особый отдел?» – мысленно ругался Васильчиков. И вспомнил, что еще до отправки на фронт особый отдел и трибунал дивизии, с легкостью и не особенно разбираясь, приговорили к расстрелу двоих только что мобилизованных молодых баптистов, отказавшихся брать в руки оружие, и лейтенанта, на сутки опоздавшего из отпуска.

Было в полку еще одно ЧП: в батарее Терещенко двое бойцов, Сало и Парцайло, призывники из Западной Украины, служившие раньше в польской армии, ушли, воткнув винтовки в землю. Даже записки оставили, что воюйте, мол, москали, сами.

К Васильчикову подошел адъютант командира полка.

– Товарищ батальонный комиссар, и вас тоже, товарищ старший лейтенант, срочно к командиру полка.

К вечеру удалось установить связь со штабом корпуса, и генерал Еремин вызвал командиров дивизий на совещание.

Полковник Гришин взял с собой Малинова, Васильчикова и Меркулова. В назначенное место – лесная деревушка в ближнем тылу дивизии Гришина – должны были приехать полковники Кузьмин, Смолин и Корниенко.

Перед самым отъездом на совещание у машины Гришина спешился прискакавший на коне посыльный:

– Товарищ полковник, майор Фроленков ранен!

– Как ранен? Когда успел? – сердито спросил Гришин. С Фроленковым он не далее как полчаса назад говорил по телефону.

– Да тут вот какое дело...

– Короче!

– В расположение первого батальона, вернее в стык батальона и подразделений полковника Малинова заехал немец на машине, – рассказал посыльный. – Охрану его перебили, но в стычке майора Фроленкова и ранило.

– Без него не обошлось бы, конечно, – рассердился Гришин.

– Немца взяли, его портфель с документами забрали разведчики из полка Малинова.

– Кто он по званию?

– Наверное, полковник. Но другие говорили, что, может быть, генерал. Не научились еще их по званиям различать, товарищ полковник.

– Хорошо, – смягчился Гришин. – Езжайте назад и передайте мой устный приказ батальонному комиссару Михееву вступить в командование полком. Пленного доставить на КП дивизии, я буду там.

В штабном автобусе командира 20-го стрелкового корпуса генерала Сергея Еремина всем собравшимся не хватило места, поэтому он, приказав охране никого больше не впускать – командиры дивизий, замполиты и начальники артиллерии были в сборе, – начал совещание.

Стараясь выдерживать деловой и спокойный тон, хотя настроение было отвратительным, генерал Еремин задавал вопросы командирам дивизий и выслушивал ответы, все более мрачней и хмурясь. Он слушал и размышлял, что же предпринять дальше, потому что обстановка оказалась гораздо тяжелее, чем он думал сначала, да и сил в корпусе оставалось меньше, чем он предполагал.

Все три его дивизии понесли серьезные потери. Особенно тяжелые – 160-я дивизия Скугарева, до двух третей состава. Да к тому же и прибыла дивизия на фронт не полностью. Примерно так же было и у генерала Бирюзова. У него к тому же почти не осталось артиллерии. У Гришина положение лучше: оба артполка в сохранности, потери, по сравнению с другими дивизиями, умеренные. Но так пока и не прибыли два батальона и по одному дивизиону от каждого артполка. Фактически в корпусе сил сейчас не больше, чем в одной нормальной дивизии. Части разбросаны на большом пространстве, со многими из них нет устойчивой связи, нет ее и со штабом армии. Не знал генерал Еремин и обстановки в масштабе армии. Впрочем, и у себя в корпусе ему далеко не все было ясно. По неподтвержденным данным, противник крупными танковыми силами выходит к Пропойску, имелись данные, что немцы заняли и Чаусы. То есть

корпус фактически находится в полуокружении. Но Могилев держался прочно, эти сведения были точными.

Заслушав доклады командиров дивизий, генерал Еремин предложил всем высказаться по планам предстоящих действий. Все единодушно склонялись к тому, что выполнять ранее поставленную задачу – выйти на Днепр к Быхову – бессмысленно. И принимать решение на отход было тяжело. Генерал Еремин подождал, пока командиры дивизий выскажутся, потом твердо положил ладонь на карту:

– Слушайте боевой приказ. Первое: разобраться в обстановке на участках своих дивизий, разыскать все части, установить с ними связь, привести их в порядок. Продумать для каждой маршрут отхода по рубежам. Второе: корпус отходит на восток районом южнее Чаус и выходит на Варшавское шоссе севернее Пропойска. Давайте наметим маршруты дивизий.

Все склонились к карте и генерал Еремин показал каждому комдиву маршрут выхода его дивизии до района сосредоточения севернее Пропойска.

– Третье, – продолжал он, – Двигаться только ночами. Беречь силы, крупных боев избегать. Время перехода – пять дней. То есть – к утру девятнадцатого быть в районе сосредоточения – лес южнее Ходоров. Я со своим штабом буду в дивизии Скугарева.

И, помолчав, немного, добавил:

– Все, товарищи. Все свободны, прошу отбыть к своим дивизиям.

Полковник Гришин, получив свой маршрут, а он был в центре корпуса, пока генерал ставил задачу полковнику Скугареву, прикидывал по карте, как удобнее выводить свои части. В общем, трудностей по сбору дивизии в кулак не предвиделось, все полки были под рукой, не считая одного батальона фроленковского полка. Прикинул по карте – получалось, учитывая, что двигаться приходилось не по прямой, а дугой, около 60 километров. «Пять дней, даже много, – подумал полковник Гришин, – складывая свою карту, – Не торопит, надеется, что, возможно, придется возвращаться, если обстановка вдруг изменится за это время. Разумно».

Поздним вечером политрук роты Андрей Александров составлял свое первое боевое донесение. Изредка включая фонарик, потому что от усталости писалось с трудом, Андрей морщил лоб, вспоминая подробности первого боя. Все три отбитых атаки немцев слились в одну, хорошо помнил только их последнюю контратаку, уже под вечер. Андрей, как ни старался в ходе боя запоминать отличившихся бойцов, скоро многое перепутал в памяти, да и забыл, так как днем писать было некогда. «Кто же убил в первой атаке сразу трех немцев подряд? Кажется, Митрофанов. Пулеметчик Сафонов отлично действовал, не меньше двух десятков уложил». Вспоминая пофамильно бойцов своей роты, Александров почти за каждым припоминал и какое-нибудь отличие. Один убил четверых гитлеровцев, другой заколол немца штыком. – «Кого-то выделить особенно?»

После «шапки» политдонесения Александров написал: «Особо отличившихся определить или выделить невозможно. Бойцы и командиры как один, по-богатырски, как подобает людям Сталинской эпохи, сражались с проклятым врагом. Все до одного, кто участвовал в бою, заслуживают не только поощрения, но и правительственных наград». Андрей, подумав еще немного, добавил: «Фактов трусости, паникерства – не было». Расписался и, услышав голос старшего политрука Коваленко, агитатора полка, пошел к нему.

– Александров? К замполиту.

Замполит 624-го стрелкового полка, а теперь и его командир Максим Никифорович Михеев, мрачного вида мужчина с тяжелым взглядом серых маленьких глаз, сидел у себя в блиндаже и тоже писал политдонесение, в политотдел дивизии.

– Андрей? Готово? Ну-ка, покажи, – углубился он в поданный Александровым лист бумаги.

– Маловато написал. Сам-то сколько немцев убил?

– Семь.

– Из винтовки? Даешь... – недоверчиво протянул Михеев, думая, что надо бы вставить в политдонесение и строчку про Александра: парень несколько раз поднимал роту в контратаку и вообще действовал добросовестно. В полку многие комсомольцы знали Александра, как секретаря Арзамасского райкома комсомола.

Михеев задумался, а потом медленным угловатым почерком дописал: «Парторг полка Тарасов с небольшой группой бойцов уничтожил два пулеметных расчета, устроил засаду на дороге и забросал гранатами три автомашины с пехотой противника». Поднял уставшие глаза от бумаги, подумал еще немного и написал про Александра, потом, долго вспоминая фамилию, добавил: «Лейтенант Новиков, командир минвзвода, когда все расчеты вышли из строя, один вел огонь из двух минометов, перебегая от одного к другому. Заставил залечь перешедший в атаку немецкий батальон, а потом обратил его в бегство». «Могут не поверить, – подумал Михеев, – чтобы один человек и отбил атаку батальона». Но решил оставить все, как есть. – «Написать еще про артиллеристов, действовали отлично, дерзко, чувствуется выучка». И, вспомнив, что погиб начальник артиллерии полка старший лейтенант Мозговой, отличный и смелый парень, вздохнул и задумался: «Потери, потери... Слишком много для первого дня. Козлова нет, Лебедева нет, Фроленков выбыл, и хорошо еще, если довезут до госпиталя и на немцев не наткнется... Командиров рот убило троих. Третий батальон вообще с концами...».

Лейтенант Лукьян Корнилин, обойдя роты своего батальона и лично собрав все сведения для составления боевого донесения, сидел, не зная, с чего начинать писать. Никак не укладывалось в голове, что потери за один день боя составили 60 процентов. Собственными глазами видел он 13 подбитых немецких танков, несколько автомашин, трупы гитлеровцев, которых, по данным ротных, набиралось около сотни, но чувство тяжести от своих потерь не проходило.

– Товарищ лейтенант, – вывел его из оцепенения голос. Корнилин узнал лейтенанта Дзешковича, командира минометной роты.

– Лукьян, мы с ребятами ходили немецкие танки смотреть, – Дзешкович говорил громче обычного, потому что наорался за день и оглох от выстрелов. – К ближнему только стали подходить, как стеганет пулемет с заднего по броне – полчаса в канаве пролежали. Но потом все же сползали, посмотрели. Вот, взгляни, что нашли, – Дзешкович открыл чемоданчик. – Все женское – платья, платки. И даже бутылка наша – «Рябиновая». Не танк, а передвижной склад с ворованным барахлом. Видно, где-то грабанили наш магазин. И письмо было, неотправленное, Шехтель перевел.

– И что пишет? – без интереса спросил Корнилин.

– Содержание в основном аморальное. Это он брату пишет, в Бремен. Сколько у него девок было наших, да сколько посылок в Германию можно отправить. Пишет, что с русскими воевать ему не нравится, во Франции было интереснее. У другого нашли письмо от жены, из Гамбурга. Просит шелковое платье, туфли поискать хорошие, отрезы, какие есть. В общем, заказы грабителю. Может быть, приложить для политотдела?

– Давай. Через два часа выступаем. У тебя все готово?

– Все. А танки у них в общем-то дрянь. Один оказался французский, другой чешский. Пушки слабые, броня тонкая... Лукьян, неужели отходим?

– Приказ получил.

Когда старший лейтенант Меркулов сказал капитану Шапошникову, что, по данным начальника артиллерии дивизии полковника Кузьмина, они за день уничтожили ровно тридцать танков, он удивился.

– А у нас в полку сколько все же: двенадцать или четырнадцать?

– Вместе с теми, что пехота подбила – четырнадцать, – уверенно сказал Меркулов. – У Похлебаева взвод Агарышева больше всех подбил – шесть. У Терещенко четыре или пять, есть спорный с пехотой. Полковник Гришин очень хвалил Кузьмина.

– И за дело. Координация действий поставлена хорошо, а заградительный огонь гаубичников – как немцы от него шарахнулись! И ведь стреляли они фугасками, а не бронебойными. А про нас что комдив говорил? – спросил Шапошников.

– Ругал. Но, не знаю, что-то вроде бы напрасно. Мне лично кажется, что все действовали отлично.

– Да, тут как посмотреть, знаешь, – ответил Шапошников. – Немца не пропустили – это хорошо, но ведь должны были скинуть его в Днепр. Задача была поставлена, конечно, непосильная, но могли сделать и больше, чем сделали. И потери... Ты знаешь, сколько у нас убитых? В полку – больше двухсот. Это за один день всего. И раненых полторы сотни.

– А немцев меньше, думаешь? По крайней мере, человек пятьсот они потеряли только против нашего полка.

– Пятьсот... А если двести? – Шапошников не особенно-то верил данным своих комбатов, понимая, что каждого убитого сосчитать они не могли, сказали на глазок.

И в то же время цифре пятьсот ему тоже хотелось верить. А вот свои потери могли быть и меньше. Особенно много полк потерял в первой атаке, когда шли напролом по открытому полю. Хорошо еще, что в матчасти артиллерии потерь почти нет, только у Похлебаева повреждены два орудия. Не мог согласиться Шапошников и с оценкой действий их полка. Все обвинения были очень спорными. Бой есть бой, всего не учтешь, не предусмотрешь. Противник сильный, воюет умно, особенно танками. Он только один раз удивился, когда немцы беспечно атаковали батальоном через поле. Тогда гитлеровцы и понесли наибольшие потери.

«С таким народом воевать можно, – думал Шапошников. – Кадровые подготовлены просто превосходно. Одиночная выучка нашего бойца не только не уступает немецкой, но, пожалуй, и лучше. Случаев паники, трусости, невыполнения приказов практически нет. Если и были один-два труса – это исключение...»

Когда поздно ночью лейтенант Вольхин получил от своего ротного приказ срочно собираться и выводить взвод на дорогу, что вела через село на восток, удивился не только он, но и его бойцы.

– Мы же победили, командир. Почему отступать? – недовольно протянул Латенков, бывший моряк, по недоразумению в первый день мобилизации попавший в пехоту.

За день Латенков убил четверых фашистов, больше всех во взводе. Большого роста, крупный, Вольхину он понравился сразу – парень рассудительный, трепаться не любил, и без той флотской заносчивости, что иногда бывает у моряков.

– А ты послушай, как на востоке гремит! – ответил ему Лашов, плотный и рослый парень из приписников.

Он тоже убил своего немца, но Вольхину не нравился: разухабист слишком да и любит отпускать плоские шуточки.

– Приказ не обсуждается! – оборвал обоих Вольхин. – Заправиться и – становись!

Взвод, когда стало темнеть, собрался весь в одно место, только в охранении было оставлено трое, на опушке, почти в том же месте, откуда они утром пошли в атаку.

Пока было относительно тихо, только кое-где со стороны противника вылетали светящиеся трассы пуль, да изредка вспыхивали ракеты, освещая два черных силуэта танков метрах в трехстах от опушки.

Вольхин попытался вспомнить подробности этого дня. Он показался ему таким бесконечно длинным, что Валентин даже не смог вспомнить, что же они делали с 10 до 12 часов дня. «В двенадцать немцы пошли в атаку, где-то около часу мы ее отбили, потом обедали.

В два часа... Что же было в два часа? А-а, ползали за подбитые танки, там сидели часа полтора, перестреливались, потом отошли сюда. Неужели я три часа так вот пролежал на траве?» – думал Вольхин. В голове гудело, и была она тяжелая, словно налитая свинцом. «День прошел, и не убило. А могло бы...» – и он вспомнил, как утром у хаты наскочил на немца. Потом был момент, что метрах в десяти разорвалась мина. Хорошо, что быстро упал. – «Да, день провалился...». Во взводе четверо убитых и шестеро раненых. Голова так болела, что сразу вспомнил только троих. Урюпина он сам видел, как убило, Нелидова тоже на его глазах накрыло миной. Тяжело ранило и Жесткова, в конце первой атаки, почти на опушке, когда они убегали из деревни. Осколком в спину. Наверное, задело позвоночник. Хороший был парень, его особенно жалко. Такой крепыш, подвижный настолько, что, казалось, мог и от пули увернуться. Так ни одного фашиста и не убил.

У него во взводе свой боевой счет был у шестерых. Больше всех у Латенкова – четверо, у остальных по одному-два. Всего на взвод приходилось двенадцать убитых гитлеровцев, этого они точно видели убитыми. Савва весь день переживал, что никак не может попасть. Немец не дурак, зря не высунется и близко не подпускает.

Услышав вполголоса поданную ротным команду, Вольхин построил свой взвод, пересчитал глазами – восемнадцать, и вывел людей на проселочную дорогу. Было темно, луна скрылась за облаками и Вольхин не видел всей колонны, только чувствовал, что впереди идут сотни людей, его боевых товарищей.

Не по себе было, что такая сила, и идет не на запад, а на восток. Дивизия уходила, не предав земле всех своих погибших... [1]

[1] Местная жительница Устинья Кондратьевна Филиппова и через 35 лет была убеждена, что в этом лесу еще бродят тени наших погибших солдат. Она сама с соседями хоронила погибших. «Как снопов их лежало по всему полю... А вот под этим бугорком мы тридцать человек закопали. Под этим дубом – четверых...». Документы погибших отобрали полицаи. У себя дома она укрывала раненых бойцов дивизии. Подлечившись, они уходили на восток.

3. «Ты помнишь, Алёша...»

Убедившись, что все батальоны выведены из леса на широкий пыльный шлях, капитан Шапошников, который должен был вести колонну полка, обогнал 1-й батальон и зашагал впереди. Рядом шел старший политрук Наумов. Впереди должна была быть разведка – конный взвод лейтенанта Шажка, и Шапошников был спокоен.

Расслабившись в ночной тишине от однообразного движения, Шапошников от неожиданности чуть не споткнулся, когда ему с обочины кто-то кинулся прямо под ноги.

– Степанцев? Ты как здесь?

Еще час назад Шапошников отправил лейтенанта Степанцева разведать – есть ли немцы в деревне километрах в двух, справа от маршрута.

– Задача выполнена, товарищ капитан. Противника в деревне нет.

– А почему под ноги бросаешься?

– Я тут уже давно лежу. До вас шла какая-то колонна, я только из конопли поднялся – по мне стреляют, так и пришлось лежать. Хорошо, что сразу на вас попал.

– Химики твои в конце колонны, – Шапошников посмотрел на часы.

По времени прошли километров пять, неплохо. Немцев не попадалось и не было слышно. На фронте уже ходили слухи, что гитлеровцы по ночам не воюют, спят, но все же идти всем полком, колонной, хотя и ночью, было рискованно. Хотелось, впрочем, считать маловероятным, что немцы окажутся ночью на лесной дороге, вдали от хороших шоссе и населенных пунктов. Их танковая дивизия, пробившаяся южнее, была, очевидно, авангардом, и поэтому так торопились немцы на восток. Было ясно, что для них важнее сейчас занять определенные пункты, чем очистить территорию. Этим делом будет заниматься пехота, а она сможет подойти в лучшем случае через двое-трое суток. Шапошников знал, что западнее Минска все еще идут бои, значит, пехоты здесь у гитлеровцев не хватает.

Мысленно вспоминая карту, Шапошников прикидывал, удастся ли им выйти к Пропойску раньше противника. «Неужели такой важный пункт и не подготовлен к обороне, не может быть, – думал он. – Наш отход крайне неблагоприятно скажется теперь и на всей обстановке под Могилевым. Неужели уже ничего нельзя было предпринять... Где же все-таки наши танки, авиация... Ведь это направление – важнейшее, и где же им еще быть, хотя бы в минимальном количестве, как не здесь, но техники нет совсем...».

Вернулся из разведки и лейтенант Шажок. Да не один, а с пополнением – привел целую колонну мобилизованных в штатском. Оказалось, однако, что шли они на запад, причем без какого-либо сопровождения. На какой-то проселочной дороге эту колонну мобилизованных, обыкновенных крестьянских парней с торбочками, которые шли из военкомата куда-то на сборный пункт, перехватили немецкие мотоциклисты. Они просто повернули колонну с востока на запад, посмеялись, постреляли для острастки в воздух, назначили старшего, дали ему какую-то бумагу, приказали идти на запад, в плен, и помчались дальше. Лейтенант Шажок долго не мог взять в толк и поверить, что эта колонна по приказу немцев идет в плен в Могилев, даже не пытаясь изменить маршрут – никто же ее не охранял!

Шапошников посчитал глазами колонну, оказалось больше сотни человек, и приказал пристраиваться к арьергарду, поскольку все они были без оружия.

Утром выяснилось, что эта колонна исчезла.

– Неужели так и ушли на запад? – недоумевал Шажок.

– Ну и зачем тогда нам такие бойцы? – сказал Шапошников, – Ушли и черт с ними.

Командир полковой батареи сорокапятков лейтенант Борис Терещенко приказ на отход не получал и узнал о нем случайно, когда сам послал связного выяснить – куда это засобирались

пехотинцы. Пока он собирал хозяйство своей батареей и выстраивал колонну, оказался в арьергарде. От того ли, что за день он не потерял ни одного орудия, а подбил пять или шесть немецких танков, и они шарахались от его выстрелов, первый бой показался ему чуть ли идиллией. Во всяком случае, настраивал он себя на более трудный день, а прошел он довольно легко.

Кое-какой боевой опыт был у него и раньше – с финской. Правда, там повоевать пришлось недолго, был ранен в голову. Из училища их тогда отобрали двести отличников учебы и тут же на Карельский перешеек. Командовал там взводом 203-миллиметровых орудий, которые в училище видел только на картинках. Изучали они другие калибры, средние. А после госпиталя ему дали батарею сорокапятков, которые в училище тоже не изучал. Переучивался недолго, дело было в принципе знакомым. Да и не видел разницы, на каких орудиях работать.

На наркомовских учениях батарея Терещенко показала себя так хорошо, что маршалы Буденный и Тимошенко даже лично руку пожали. И сейчас действия расчетов убедили его, что учил он своих людей целый год не напрасно. Терещенко был уверен, что расчеты, даже действуя самостоятельно, не побегут и задачу свою выполнят в любом случае. Он видел, что люди буквально прилипали к орудиям, никому бы и в голову не пришло их бросить. Так было и в первый день не один раз. Он не особенно и задумывался над тем, что немцы их обошли, и полк, наверное, попал в окружение, и до этого они не всегда знали, что позади надежный тыл, привыкли. Он был уверен, что батарея в нормальных условиях сможет выстоять и против полусотни танков.

А на душе было в общем-то тошно. Терещенко как-то поймал себя на мысли, что живет одним днем: остался сегодня жив, и ладно. Да и не до размышлений было – одна работа. Однажды долго не мог вспомнить, когда он последний раз ел. Получалось, что двое суток назад, да и то одни сухари. Радовался, когда удавалось поспать вполглаза час-другой где-нибудь под кустом. Однажды видел сон, когда шел пешком в колонне. Как-то проснулся – рядом собирают убитых, а он и не слышал, как бомбили. Терещенко привык все делать спокойно, никогда не ругался, да и люди в батарее были такие, что все понимали сами, ругать их было не за что. К кадровым – никакого недоверия или подозрительности, все взводные – из одного с ним училища, каждого знал хорошо. Командиры орудий и наводчики все были тоже проверены в работе.

Предусмотрительно рассредоточив упряжки с орудиями по колонне, для чего пришлось побегать и ему, и замполиту, Терещенко был уверен, что сумеет отбиться и на марше. А колонна набралась большая – около сорока повозок с боеприпасами и имуществом и двенадцать с ранеными, о которых тоже как будто вовремя не вспомнили.

Утром, когда из кустарника на середину колонны вылезли три танка, Терещенко, находившийся в голове, даже не успел подать команду «К бою!», как все было кончено: один танк горел, а два других дали задний ход и уползли в кустарник. Повозки со снарядами даже не успели съехать с дороги. Когда Терещенко подскочил к двум стрелявшим орудиям, там уже заводи к ним упряжки. Удивившись, что все произошло так быстро, он спросил командира орудия:

– Ленский! Твой горит? Неужели с первого выстрела?

– Со второго, товарищ лейтенант. Инцидент, как говорится, исчерпан.

– Быстро ты развернулся.

– Тренировка, – протянул Ленский. – Когда они получают по зубам сразу, второй раз не суются.

Сержанта Евгения Ленского в первые дни службы в батарее Терещенко заметил не только потому, что у него была такая необычная фамилия, он с какой-то особой настойчивостью относился к учебе. Парень был с десятилеткой, а одно это значило много. Поэтому через полгода Ленский и был назначен командиром орудия. Симпатичный, интеллигентной внешности, и в то же время с сильным характером, он невольно располагал к себе. Из всех командиров

орудий своей батареи Терещенко уважал его больше всех. Чувствуя, что и Ленский знает себе цену, Терещенко всегда относился к нему мягче, чем к другим. Он не особенно-то и удивился, что в первый день боя Ленский подбил три танка, так и должно было быть, для чего же тогда учили.

Меньше чем через час батарея Терещенко догнала застрявшую, очевидно перед мостом, колонну автомашин разных марок и назначений. Увидев в колонне стоявших рядом командира полка Малинова и замполита Васильчикова, Терещенко поспешил к ним. Хотел начать доклад о состоянии батареи, но Васильчиков остановил жестом, обнял. Терещенко краем глаза с удивлением заметил, что полковник Малинов как будто не рад этой встрече.

– А мы думали – потеряли батарею. Как люди, накормлены? – спросил Васильчиков.

Он до войны часто бывал в батарее, люди знали его хорошо, и Терещенко к замполиту относился с уважением.

– Обедали, но по-настоящему позавчера. Кухню потеряли. А так все нормально, орудия все в строю, люди тоже, не считая пятерых раненых и одного убитого, лейтенанта Сасо, вчера похоронили.

Шофера беспокойно поглядывали на небо и действительно вскоре над колонной пролетел самолет. Сделав круг, он неожиданно для всех сел на луг метрах в ста от дороги. Из самолета вылез летчик и побежал к колонне. Через минуту Терещенко заметил в его руках ведро. – «Интересно, что это он с ведром носится...» – не понял сначала Терещенко, а потом услышал: «Бензинчику бы, ребята, хоть пару ведер...».

– Ты беги дальше, там бензовоз должен стоять, – ответил летчику кто-то из шоферов.

Скоро летчик с двумя ведрами шел к своему «ястребку», а когда колонна, наконец, сдвинулась с места, Терещенко увидел, как самолет резко взмыл в небо, едва не задев за елки.

«А молодец парень, все бы так воевали», – подумал Терещенко и вспомнил, как утром они проехали мимо новенького КВ, брошенного танкистами только потому, что кончилось горючее.

Самолет только сделал круг и прошел над колонной, как Терещенко услышал гул еще нескольких самолетов и пулеметные очереди. Он тут же спрыгнул с коня, краем глаза видя, как повозки разъезжаются с дороги в кусты. Две пары самолетов с крестами на фюзеляжах промелькнули над головой, щедро поливая дорогу свинцом. Потом Терещенко увидел, как навстречу этим самолетам, прямо в лоб, мчится тот самый наш «ястребок». Один немец словно споткнулся и потянул в сторону, густо дымя хвостом, остальные разлетелись, но через минуту, развернувшись, бросились вдогонку. Терещенко смотрел на догонявших нашего «ястребка» «стервятников», пока они не скрылись из виду. «Молодец парень, просто молодец!» – думал он.

За эти дни Борис видел наши самолеты всего несколько раз, далеко и небольшими группами, воздушный бой наблюдал впервые, у него уже успело сложиться недоверчивое отношение к нашим летчикам – «Где же вы, сталинские соколы...», – но после этого случая Терещенко сразу почувствовал к нашей авиации уважение.

Вспомнил, как в Калуге, когда ехали на фронт, на путях в вагоне оказались двое наших летчиков со сбитых самолетов. Столько они тогда наговорили о первых боях в воздухе, что кто-то сбегал к коменданту станции и их тут же увели в отдел НКВД. Будто бы вся наша авиация сожжена в первый же день на аэродромах, а те, что взлетали и дрались с немцами, горели, потому что не хватало скорости. Летчики рассказывали с болью в душе, размахивали руками, показывая, как их сбили. Один из них скрипел зубами и плакал. У всех, кто их слушал, осталось тягостное чувство, в душе им тогда мало кто поверил, наверное, но не один раз вспомнили потом, когда попали на фронт. Хотя, по правде сказать, немецкая авиация не особенно и донимала. То ли ей уже прищемили хвост, то ли были у нее другие важные дела.

Командир 497-го гаубичного артполка майор Илья Малых после того, как его 2-й дивизион отбил атаку колонны немецких танков и заставил их отойти и взять маршрут правее, по приказу командира дивизии уплотнил свои боевые порядки на наиболее танкоопасном направлении: большак Давыдовичи – Грязивец. Часам к трем канонада стала хорошо слышна за его правым флангом сзади, но никаких дальнейших распоряжений из штаба дивизии не поступало и он на свой страх и риск решил собрать полк в одно место, с расчетом круговой обороны.

Первый дивизион капитана Прошкина все это время действовал на поддержке пехоты полка Малинова, с закрытых позиций, и действовал, по словам полковника Кузьмина, отлично: заградительный огонь дивизиона по существу и заставил гитлеровцев перенести главный удар правее обороны дивизии.

Дивизион капитана Найды, выстроившись в колонну, прошел дорогой до леса у деревни Грязивец, где и рассредоточился, не занимая боевых порядков.

– Воздух! Воздух! – закричали наблюдатели, и все, находившиеся у орудий, залегли, где попало.

Самолеты, налетевшие на малой высоте, сначала прошли над лесом, стреляя из пулеметов, а потом, встав в круг, начали методично пикировать на лес.

– Штук двадцать, не меньше, – смотрел в небо старший лейтенант Житковский и подумал: «Хорошо еще, что успели войти в лес, на дороге они бы нас всех расколошматили».

Недалеко взорвался трактор, тащивший прицеп со снарядами, и от него загорелся лес. Зеленые кроны сосен пылали, как солома, жар волной бил в лицо. Несколько минут бомбежки показались Житковскому адом, и когда самолеты улетели, какое-то время ему не верилось, что он опять остался жив.

Собрали раненых и убитых, но не успели похоронить погибших, как капитан Найда получил приказ двигаться дальше. Колонна медленно потащилась по пыльной дороге.

– Товарищ капитан, не пойму смысла нашего передвижения, – спросил Найду Житковский. – Если мы в окружении, то надо бы на восток, а мы забираем на север.

– Майор Малых такой приказ из штаба дивизии получил. Видимо, собираемся все в одно место, чтобы дальше идти всем вместе.

– А по обстановке он ничего не говорил?

– Я так понял: знает он не больше нашего. Похоже, через соседей немцы прошли.

– Горючее на исходе, товарищ капитан, – выплянул из кабины водитель. – Давайте встанем, может быть, из этих что-нибудь сольем.

Перед деревушкой стояли несколько разбитых грузовиков.

– Я тоже схожу, товарищ капитан, – сказал Житковский, – пока колонна подтягивается.

Нацедив из бензобака полуторки ведро бензина, водитель и Житковский пошли, было, к своим, как увидели во ржи за крайним домом молодую женщину, которая стояла в полный рост и, улыбаясь, призывно махала им рукой. Житковский привык видеть в деревнях женщин только в платках, и эта, с распущенными волосами, показалась ему подозрительной.

– Смотри, расплещешь, – сказал он водителю. – Уставился...

Пока шофер заливал бензин в бак, Житковский рассказал о странной женщине Найде.

– Что ж ты даме внимания не оказал? – усмехнулся он.

И лишь только машина тронулась с места, как из ржи, где стояла эта женщина, ударил крупнокалиберный пулемет.

Первая очередь попала прямо по кузову, полетели щепки, и все, кто тут был, выпрыгнули и залегли под машиной.

– Житковский, бери троих и перебежками – уничтожить гадов! – приказал Найда.

«Ну и баба, вот сволочь-то!» – думал на бегу Житковский.

Перебежками, а в основном ползком по ржи он с группой бойцов подобрался к пулемету на бросок гранаты и, когда пулемет замолк, в окопе они обнаружил троих убитых немцев и эту женщину. Она была еще жива, и что-то тихо говорила по-немецки.

«Надо же додуматься: женщина – приманка!» – удивлялся Житковский.

Справа метрах в двухстах во ржи заработал еще один пулемет и один боец, телефонист, стоявший в рост рядом с убитыми немцами, со стоном присел. Остальные тут же залегли.

– Ползком к машине, – приказал Житковский.

– А немка? С собой возьмем? – спросил кто-то из бойцов.

– Да она уже кончилась. Смотри – не дышит, – сказал другой боец.

Догнав своих, Житковский доложил Найде, что немцы уничтожены, женщина тоже убита.

– А мы еще не верили в диверсантов! – ответил Найда. – Двоих у нас в машине убило, – добавил он с сожалением, – но надо ехать дальше...

Шестнадцатого июля после очередного перехода, когда батальоны 771-го полка расположились на дневку в густом лесу под Чаусами, капитану Шапошникову доложили, что его ищет какой-то майор из штаба корпуса.

– Иван Андреевич? Какими судьбами? – Шапошников узнал майора Суетина, своего приятеля, служившего помощником начальника оперативного отдела штаба их 20-го стрелкового корпуса.

– Да вот тебя решил проведать, – улыбнулся Суетин. – Гришина ищу. Не знаешь, где он сейчас может быть?

– Час назад проезжал. К Малыху, наверное, поехал. Садись, отдохни, а то, вижу, с лица спал совсем.

Шапошникова и Суетина связывал тот тип армейской дружбы, когда люди встречаются редко, не знают, встретятся ли еще, и если уж доведется увидаться, то стараются наговориться впрок. Вместе они служили лет десять и оба, не навязываясь в друзья и не думая даже, что дружат, постепенно прониклись такой взаимной симпатией и уважением, что искренне радовались каждой редкой встрече. Сейчас им тем более было о чем поговорить.

– Это вы сегодня утром вели бой? – спросил Суетин.

– Да, у Любавино. Шесть танков из десяти подбили.

– Значит, обижать себя не даете. У тебя, гляжу, порядок, – Суетин снял фуражку, тщательно вытер лоб платком, – а мы вот всем отделом эти дни только и делаем, что выясняем, где какие наши части стоят. Телефонной связи почти нет, радио, сам знаешь, применять боимся, да и не умеем толком. А генерал требует выяснять обстановку в деталях. Бывает, что на карте здесь стоит часть, а на самом деле ее уже давно нет, вот и занимаемся разведкой своих же войск. Вон грузовичок мне дали, – махнул он рукой.

– Иван Андреевич, расскажи об обстановке.

– Спроси чего полегче... Три дня назад был у вас в дивизии, когда вы наступали, потом проехал на Чаусское шоссе – там немцы. Прут, представляешь, колоннами. Прорвались от Шклова. А в Чаусах всего один наш батальон стоял – смяли через полчаса. Ты капитана Филимонова знаешь? Сидит он чай пьет, в Чаусах, выглянул в окно – танки на дворе, с крестами, он гранату в окно, а сам в чем был в дверь. Еле ушел.

– А на Пропойском направлении?

– Последних сведений не имею, но боюсь, что немцы уже сутки, как в Пропойске, если только их дивизия Скугарева не задержала своим вторым эшелоном. У него всего-то три батальона прибыли.

– А дорога Могилев – Чаусы?

– Там сам черт не разберется. Вроде бы и у нас, и немцы там во всю гоняют. Такое там творится, Александр Васильевич, рассказывать страшно. Еду сегодня утром, навстречу группа наших бойцов, потом вторая подходит. Командиры и политруки будто бы все убиты, позади их танки, кругом диверсанты. Я их останавливаю, а все подходят и подходят, больше сотни набралось. Спрашиваю, кто, откуда – есть даже из-за Днепра. Обстановки не знают, есть и такие, что при одном слове «танки» драпать готовы. Хорошо, что тут оказались кем-то брошенные повозки с продуктами, удалось заинтересовать на время. Вижу – начальник артиллерии корпуса Вершинин подъехал и давай их костерить, так какой-то подлец, а может быть и диверсант, причем с петлицами лейтенанта, выстрелил из винтовки и – наповал. Бойцы его тут же расстреляли, конечно, но представляешь, какое положение – анархия, как в первый год гражданской. Хорошо, что полковник Гришин мимо проезжал, построил всех, выругал как следует, оставил с ними какого-то командира, и уехал. А у вас, смотрю, порядок, – с удовлетворением произнес Суетин.

– Отходим организованно. Бойцы у нас немцев не боятся. В первые дни, когда идут и идут эти окруженцы, и каждый только и знает: «Танки! Окружение!», думали, что не сохраним настроения. Но ничего, держим. У нас, видишь ли, кадровый состав убежден, что именно мы – лучшая дивизия Красной Армии. Да, Иван Андреевич, на днях наши бойцы генерала в плен взяли. Заехал, представляешь, прямо в боевые порядки. Думал, что если их танки гудят на оперативном просторе, то за ними чисто, – Шапошников достал из планшета карту. – Вот, посмотри. Генерал не боевой, тыловик из штаба танковой группы Гудериана, обстановка на карту не нанесена, но все равно ценная вещь. Обрати внимание – проставлены даты на рубежах, до самой Москвы. И до сих пор графика в целом придерживаются. Забери, может пригодится.

– Спасибо. Потери большие в полку?

– Около двадцати процентов, – чуть помедлив, ответил Шапошников.

– В других частях под пятьдесят подходит. Учти, что ваш полк в корпусе – наиболее крепкая единица, если на прорыв придется идти, то скорей всего в авангард поставят вас.

Суетин помолчал немного и спросил:

– Ты знаешь такого корреспондента, из «Известий» кажется, Константина Симонова? Еще стихи с Халхин-Гола писал...

– Как же, слышал.

– Встречаю его дней пять назад. Спрашивал, как лучше проехать в Могилев. Как ни отговаривал, что опасно, немцы по эту сторону Днепра. «Товарищ Сталин, – говорит, – приказал сделать Могилев Мадридом», – так и поехал. Я предлагал к вам в дивизию съездить, интересный контрудар – «Нет, только в Могилев». А меня вчера земляк наш крепко выручил, – продолжал Суетин. – Западнее Чаус. Проехал по шоссе – наших никого, а знал уже, что немцы навстречу идут, от Шклова. Дело вечером было, вдруг навстречу пара упряжек с орудиями, вроде свои, и так вкусно по-нижегородски говорят, что невольно сразу спросил: «Вы с какой улицы?» – «Я с улицы Свердлова». Так и договорились. Отходили они последние, из отдельного противотанкового дивизиона вашей дивизии. Главные их силы я, видимо, проехал другой дорогой. Попросил этого лейтенанта, командира взвода, Ивана Федосеева, продержаться, сколько сможет, хотя бы три часа. Так они немца здесь не только задержали, но и по носу ему хорошо дали. Я его потом еще раз встретил, рассказал он, что бой тот они выиграли, немцев несколько десятков уложили, мотоциклистов. Еще спрашивал, не видал ли я его брата двоюродного, Овчинникова, Героя Советского Союза, встречались они с ним где-то здесь, но потерялись. Вот такие, брат, дела... Воюем, как умеем, а надо бы лучше. И можем ведь лучше. Ну, надо ехать мне, Александр Васильевич, – поднялся Суетин. – До встречи, если живы будем. Да, возьми вот газеты, почитай, довольно свежие.

Суетин уехал, а Шапошников, пока был привал, стал просматривать газеты. Это была «Правда» за 11, 12 и 13 июля. «Десятое июля, – прочитал он, – Бобруйское направление:

наши войска прочно удерживают занятые позиции... Вечер: в течение 10 июля на фронте чего-либо существенного не произошло...» – «А немцы уже переправы через Днепр наводили...» – с горечью подумал Шапошников. В другом номере газеты об их направлении было написано: «В течение ночи на 12 июля изменений в положении войск не произошло». – «Как будто немцы все еще за Днепром! – возмутился Шапошников. – Какая самоуспокоенность!».

Прочитал еще несколько заголовков: «Изверг Гитлер – лютый враг советского народа», «Пусть беснуется фашистский зверь, видя крушение своих разбойничьих планов», – «Уже крушение? – с тоской подумал Шапошников. – Как не вяжется тон статьи с тем, что на самом деле происходит на фронте». Газеты были полны сообщений из тыла страны, по ним чувствовалось, какая громадная работа идет по перестройке всей страны на военный лад, много было описаний подвигов, героизма, но понять обстановку на фронте конкретно или представить более-менее ясно, где сейчас линия фронта, – по газетам было невозможно, сведения их были явно устаревшими.

Лейтенант Корнилин, принявший после ранения капитана Лебедева 1-й батальон 409-го стрелкового полка, в первые дни после отхода делал все в человеческих силах, чтобы сохранить людей и двигаться организованно, но в мелких постоянных стычках и без того ополовиненные роты редели, кончались патроны и продовольствие.

Все попытки Корнилина установить связь с дивизией или узнать что-либо от проходивших мелких групп, а выходило их из-за Днепра множество, различных дивизий и частей не имели успеха. Все больше донимала фашистская авиация. Случалось, что самолет гонялся и за одним человеком.

Во время одного такого налета, когда его бойцы едва переставляли ноги после очередной стычки с вражескими мотоциклистами, Корнилин был контужен разорвавшейся неподалеку бомбой. Он еще помнил взрыв и как бойцы, лежавшие рядом с ним, зажимали уши и поджимали колени к животу. Очнулся он от сильного удара под ребра. Открыв глаза, Корнилин увидел перед собой молодого немца с автоматом на груди. Гитлеровец смотрел на него с любопытством, беззлобно, потом пнул еще раз и дал знак автоматом: «Ком! Ауфштейе!».

Корнилин, ощущая боль в каждой клеточке тела, встал сначала на четвереньки, потом, шатаясь, во весь рост. С трудом сделал первый шаг. Чувствуя, как к нему возвращается сознание, и туман перед глазами словно рассеивается, Корнилин осмотрелся. Неподалеку лежали трое убитых его бойцов, рядом стоял немец, к нему из тумана подходили еще двое.

«Как же так... Почему я живой?» – Лукьян вспомнил, что когда разорвалась бомба, он куда-то провалился, и на языке был уже неповторимый привкус смерти. «Как же теперь батальон...», – шевельнулась мысль. Немец ткнул его стволом автомата в спину, давая знак идти. [1]

А дивизия продолжала свой тяжкий путь на восток. Сбивая мелкие заслоны гитлеровцев, отстреливаясь от внезапно налетавших мотоциклистов, части дивизии, в основном ночью, чтобы не попасть под удары авиации, прошли лесами южнее Чаус, вышли на реку Проня, переправились через нее, против ожидания без боя, и снова углубились в леса севернее Пропойска.

Пусть не было связи со штабом армии, общая обстановка продолжала оставаться неизвестной, и неясно было, что ждет их через день-два, полковник Иван Гришин, пройдя через какой-то период перестройки сознания, снова становился тем, кем он привык себя ощущать – волевым и сильным.

А перестроиться ему было не так-то просто. Занимая всего год назад должность начальника отдела боевой подготовки стрелковых войск столичного округа, Гришин привык учить войска по-современному, по новым уставам, в соответствии с принципами тактики глубокого боя, которые изучал в академии. Разве мог он думать, что войну придется начинать совсем

не так, как этому учили в академии. О взаимодействии с авиацией, танками и речи быть не может, просто потому, что их нет. Как выходить из окружения – в академии вообще не изучали, да об этом никто и не думал.

Но Гришин был из той породы людей, которые в минуты крайней опасности не только не теряются или ломаются, а, наоборот, действуют собраннее и решительнее. Проанализировав ход первого боя дивизии, Гришин убедился, что организован он был в целом грамотно, хотя был это все же встречный бой, в самых неблагоприятных условиях – против танковой дивизии. Да и командир корпуса действиям дивизии дал положительную оценку.

В первые дни отхода появились, было, мысли, что все пошло комом-ломом, все все делают не так, но, постоянно бывая в полках и батареях, Гришин, присматриваясь к людям, убеждался, что большинство из них – добросовестные и воюют без страха. Полк Малинова отходил почти без потерь, Малых не потерял ни одного орудия, пройдя более семидесяти километров, полковник Корниенко со своими двумя батальонами, прикрывая дивизию с севера, отбил несколько яростных наскоков гитлеровцев, людей не растерял и порядок держал. Все больше убеждаясь, что армия отступает не столько потому, что так уж велико превосходство противника в технике, а во многом из-за собственной нерасторопности, неумения распорядиться имеющимися силами, а иногда и из-за трусости, Гришин при случае беспощадно карал виновных в этом, даже если они и были не из его дивизии.

Поначалу не очень доверяя своим подчиненным, полковник Гришин в первые дни войны часто брался за все сам, считая, что лучшего его и без него никто ничего не сделает. Он привык работать за троих и через силу, жалея других и не жалея себя, но как-то после одного разговора со своим замполитом Канцедалом Гришин понял, что порой берет на себя и не свои обязанности. – «Ты подумай, в дивизии, кроме тебя, еще пять полковников, и трое из них после академии...» – вспомнил он слова Канцедала. Да, их было шесть полковников. Но теперь уже пятеро. Сердюченко, начальник оперативного отделения, погиб при бомбежке в Могилеве. «И любой из них вполне может меня заменить», – думал Гришин. Корниенко в академии преподавал тактику, полк для него не более, как стажировка; Малинову, слышал, еще до войны командир корпуса обещал дать дивизию при первой возможности; Кузьмин артиллерию знает прекрасно да и тактик замечательный; Смолин воевал еще на империалистической, опытный, рассудительный; Малых с Фроленковым тоже могут далеко пойти, все данные для этого у них есть. Фроленков отлично показал себя в Испании – орден боевого Красного Знамени заслужил. И, конечно, его начальник штаба, полковник Яманов – цену себе знает и командиром дивизии был бы на месте.

Постепенно полковник Гришин, видя, что не только у него болит душа за дивизию, стал больше доверять своим подчиненным и не лишать их инициативы.

Теперь главным было – выйти из окружения, встать в нормальную оборону, навести в дивизии настоящий порядок.

[1] Лейтенант Л. Корнилин попал в плен. Дважды бежал, был приговорен к расстрелу, чудом остался жив. Войну закончил в Праге. Если бы об этом мог знать тот гитлеровец, который пожалел и не добил раненого русского лейтенанта...

4. «Мы мёртвым глаза не закрыли...»

К вечеру 18 июля соединения 20-го стрелкового корпуса выходили на дальние подступы к Варшавскому шоссе восточнее Пропойска. На военном совете в штабе корпуса было решено прорываться сходу, не дожидаясь сосредоточения всех сил корпуса – на это ушли бы целые сутки.

По данным разведки, от Пропойска до Кричева располагались главные силы 10-й моторизованной и несколько отрядов танков 4-й танковой дивизий противника. По шоссе постоянно курсировали танки и бронетранспортеры, на обочинах стояли замаскированные орудия и пулеметы.

Вечером 18 июля, собрав командиров дивизий, генерал Еремин, медленно и тщательно выговаривая каждую фразу, сказал:

– Прорыв начнем завтра с рассветом. Учитывая, что противник не в состоянии занять позиции по всему шоссе, а, как установлено, сильные отряды держит только в отдельных пунктах, решил: прорываться будем по-брусиловски, не в одной точке, а в трех. Каждая дивизия на своем участке. В авангард ставлю дивизию Гришина, слева – дивизия Скугарева, справа – генерала Бирюзова. Прошу к карте.

Генерал показал участки прорыва каждой дивизии, густо отчертив их красным карандашом.

– В каждой дивизии иметь сильный авангард, который мог бы не только пробить коридор, но и расширить его по шоссе в обе стороны.

– Шоссе удерживать? – спросил полковник Гришин.

– Задача корпуса – выйти главными силами на Сож и удержать на шоссе коридор, чтобы по нему могли пройти другие части и тылы армии, – уточнил генерал Еремин, – Вам, Гришин, коридор удержать любой ценой. Назначаю вам в помощь и для контроля подполковника Цвика.

Подполковник Исаак Цвик, помощник заместителя командира корпуса по тылу, маленький, худой, с бледным усталым лицом, сидел на военном совете в сторонке, занятый своими думами. Боевым частям пробиться и уйти за Сож будет все-таки легче, а вот что делать ему со своими тылами и обозами... Услышав о своем назначении к Гришину, Цвик немного успокоился. Он знал, что его дивизия была в хорошем состоянии, да и сам полковник Гришин смотрелся солиднее других командиров дивизии. Цвик украдкой посмотрел на Гришина: «Красивый открытый лоб, плотно сжатые губы. Волевой, должно быть. Глаза – то мягкие, то колючие. Такой сделает все, как надо. Если он пройдет, то за ним и мы свои тылы вытащим...».

– Мальчик! Мальчик, иди-ка сюда!

Ваня Левков оглянулся – в кустах стоял военный в нашей форме.

– Ты из этой деревни?

– Да, скот вот загоняю.

– Подойди к нам.

Ваня, оглянувшись, подошел к кустам.

Стояли двое с кубиками на петлицах. Из-за кустов подошли еще трое, постарше, и с такими же почерневшими от солнца лицами.

– Немцы есть в деревне?

– Нет, но в лесу у шоссе их много, в засадах сидят.

– Сам видел?

– Видел, как они на деревья залезают. В танках их много сидит. Мы за ягодами ходили и видели.

– Давно они здесь? А в деревне точно нет?

– Да когда уж... Четырнадцатого ночью слышали сильный шум на шоссе, мы еще спали. Лязг такой страшный. Все утро. Отец сходил к шоссе – немцы едут! А у нас в деревне раненные жили, говорят, что не может быть, что немцы. Я сбегал к шоссе – машины на Кричев одна за другой, и все немецкие, в их касках были солдаты.

– Точно это было четырнадцатого под утро? Не спутал? – строго спросил один из военных.

– Точно, я запомнил. В деревне они не останавливались, а на другой день один немец приезжал на мотоцикле. Страшный такой, у нас все девчонки попрятались. А он воды набрал в колодце и уехал. По-русски немного говорил, сказал женщинам, чтобы мы не боялись немецких солдат, они пользуются французскими духами и кушают только курочек. Весь день тогда они по шоссе ехали, танки, машин много прошло. А вчера подъезжала из леса машина с нашими, спрашивали, свободна ли дорога на Александровку-вторую. Я им сказал, что тут кругом немцы, они и уехали обратно.

Ваня обратил внимание, что один из военных был со шпалой в петлице. Он немного разбирался в званиях, старший брат, капитан, служил на границе в Прибалтике.

Всхрапнула лошадь, на которой сидел командир со шпалой в петлице.

– А хутор Лукьяновку знаешь? Немцы там могут быть?

– Дорогу знаю. Там можно лесом обойти, место глухое... Дяденьки, я вот только коров соберу и мамке скажусь...

– Мы подождем. Да, мать позови.

Минут через десять к кустам подошли мальчик и женщина.

– Мамаша, нам бы надо вашего сына, дорогу показать.

Женщина опустила голову, теребя платок. Подумала немного, вздохнула.

– Не надолго бы только... Ваня, смотри...

– Поднимайте людей, – повернулся к одному из военных командир со шпалой в петлице.

Ваня Левков пошел впереди, изредка оглядываясь. Сквозь кусты и деревья он видел, как за ним вытягивалась колонна – редкий строй красноармейцев, повозки, несколько упряжек с орудиями.

– Ваня, а за шоссе сможешь нас провести к Сожу? – спросил военный со шпалой, когда они лесом прошли мимо заброшенного хутора.

– Смогу, наверное, только всем надо идти тихо.

Ваня примерно знал, где могут стоять засады немцев – все эти дни он с младшим братишкой ходил к шоссе, будто бы за ягодами.

Метров за двести перед шоссе, когда лес стал редеть, командир дал колонне знак остановиться.

– Ваня, возьми с собой двоих бойцов, сходите к шоссе, посмотрите по сторонам и назад.

– Я лучше один схожу. Их могут заметить, а я тихонечко.

Ваня прокрался к шоссе, внимательно посмотрел по сторонам и вперед на лес. Никаких признаков людей не было, даже посвистывали птички. На всякий случай он сбегал на ту сторону шоссе, дал круг и только тогда вернулся к колонне.

– Можно идти, товарищ командир.

Ваня провел колонну через шоссе низиной, самым надежным местом на этом участке трассы, дошел почти до Сожа.

– Ну, хватит, сынок, – остановил его командир со шпалой, – Дальше мы сами. Беги домой, – погладил по вихрам, – Большое тебе спасибо, Ваня, хороший ты хлопец. Что бы тебе подарить...

– Я же не за награду, товарищ командир, – обиделся Ваня.

– Возьми на память, – сказал командир, доставая из планшета красный с белыми полосками шарфик.

Ваня Левков побежал назад к шоссе, навстречу ему ехали повозки с ранеными и упряжки с орудиями, брели бойцы, не зная, что жизнью своей, по крайней мере, на ближайшие часы или дни, они обязаны этому пареньку.

Не добежав до шоссе метров пятидесяти, Ваня услышал, как слева, не далее как в полукилометре, вспыхнула густая стрельба. Он удачно перемахнул шоссе, стараясь бежать как можно быстрее – бой разгорался по всему шоссе, слышны были не только выстрелы, но и крики. И совсем недалеко от дома он чуть не наткнулся на двоих. В нашей форме. Один был с пулеметом, а второй держал ленту. Ваня уже хотел было окликнуть их, как пулемет заработал и пули – Ваня обмер – летели по выходившей на полянку группе наших же бойцов.

– Что вы делаете, это же наши!

Второй номер пулемета оглянулся на вскрик, и Ваня заметил под отворотом его выцветшей гимнастерки край чужой темно-зеленой формы.

– Немцы! Переодетые!

Гитлеровец несколько раз выстрелил из пистолета, но Ваня быстро скрылся в кустах.. Метров через двести-триста он чуть не налетел еще на одну группу. Пригляделся – наши.

– Дяденьки, там два немца переодетых в нашей форме с пулеметом!

– Где? Далеко отсюда? – спросил боец.

Ваня показал направление.

– А ну, беги домой, – перебил его другой красноармеец, – Мать, небось, с ума сходит! Как ты тут оказался?

Ваня побежал домой уже напрямик, с ужасом вспоминая, как над его головой свистели пули.

– Ну, Ванька, мать тебе сейчас и всыплет! – услышал он голос младшего брата, залезая в щель, вырытую возле дома.

19 июля около полудня капитан Шапошников, только что выслушавший доклад лейтенанта Шажка, ходившего в разведку, стоял на пригорке, поглядывая в бинокль на деревушку и лес, за которым метрах в пятистах и проходило Варшавское шоссе. Бойцы батальона капитана Леоненко, получившие разрешение отдохнуть, сидели и лежали группами на обочинах лесной пыльной дороги. Курить, разводить костры, ходить было категорически запрещено. Все лежали в траве под деревьями, поглядывая на палящее солнце, понимая, что на прорыв придется идти только с наступлением темноты.

Заметив легковой автомобиль, Шапошников подошел к дороге. В вышедшем из машины генерале он узнал командира корпуса генерала Еремина. Узнал, но с трудом. Ввалившиеся, покрасневшие глаза, на небритом запыленном лице печать смертельной усталости. Чувствовалось, что генерал давно не спал.

Шапошников, представившись, доложил, что выводит 2-й батальон на исходный рубеж для наступления.

– А где командир полка?

– Подтягивает третий батальон, левее метров семьсот.

– Тоже, нашел время... Операцию возлагаю на вас. Задача: пробить брешь, оседлать шоссе и занять оборону на том берегу Сожа. Выполните – молодец, не сумеете – расстреляю... – и вдруг спросил, уже без жести в голосе, устало: – Это вы мне докладывали утром тринадцатого данные разведки о танках?

– Да, – тихо ответил Шапошников.

– Вы были недалеко от истины, капитан, – генерал Еремин вздохнул, поморщился чему-то своему и пошел к машине.

«Почему он возложил операцию на меня? – недоумевал Шапошников. – Да еще через головы командиров полка и дивизии... Тем более что задачу на прорыв Гришин уже ставил Малинову. Почему такая фраза: «Тоже мне, нашел время...».

Вскоре подошел 3-й батальон капитана Горбунова, но командира полка с ним не было. Почувствовав по интонации генерала, что операцию надо готовить без промедления, Шапошников вызвал комбатов и поставил им задачи. Батальон майора Московского должен был выйти к шоссе на правом фланге и ударить вдоль него направо. На левом фланге должен был наступать батальон из полка Корниенко и тоже ударить вдоль шоссе, на запад. Батальоны Леоненко и Горбунова должны были наступать в центре и, миновав шоссе, выйти к Сожу.

– Степанцев! – окликнул Шапошников стоявшего неподалеку командира химвзвода полка. – Вам задача: вывести все спецподразделения полка за Сож. Забирайте хозяйство Татарина – и за нами.

Когда Московский и Горбунов пошли в свои батальоны, к Шапошникову подошел капитан Леоненко.

– Товарищ начальник штаба, – устало и со злостью сказал он. – Ничего не воспринимаю, трое суток не спал.

Шапошников, посмотрев на Леоненко, понял, что тот едва стоит на ногах от усталости.

– Хорошо, я поведу батальон сам, – сказал он, хотя от постоянного недосыпания голова была, как тоже чугунная.

По данным лейтенанта Шажка, немцев на шоссе было немного, но в нескольких местах их все же обстреляли, а дважды он слышал шум двигателей танков. По шоссе медленно проезжали взад-вперед бронетранспортеры, не исключено, что были здесь и засады.

Под вечер в расположение второго батальона по пыльному проселку заехала легковая автомашинка с немцами. Бойцы, находившиеся поблизости, от неожиданности открыли огонь. Водитель сразу же выскочил из-за руля с поднятыми руками. Оказалось, что убитый пассажир на заднем сиденье – полковник. Бойцы быстро обыскали водителя, высокого симпатичного блондина.

– Надо же, бабник какой... – сказал кто-то из бойцов, разглядывая пачку фотографий, взятых из кармана водителя.

На снимках с дарственными надписями, которые тут же пошли по кругу, были девушки из многих городов Европы и – вперемешку порнографические открытки.

– Кто знает по-немецки? – спросил какой-то боец.

– Я знаю немного, – предложил свои услуги переводчика сержант-связист Самойленко.

Но к немцу уже пробивался, бесцеремонно отталкивая плечом окруживших его любопытных красноармейцев, переводчик полка Иоффе. Фотографии вернули владельцу. Пленного повели по направлению к штабу полка.

Не прошло и получаса, как на место расположения батальона обрушился артиллерийский огонь. Снаряды рвались в верхушках деревьев и скоро весь лес здесь был заполнен дымом. Люди лежали, вжавшись в нагретые за день сосновые иголки, и думали, что это, наверное, месть за убитого немецкого полковника.

Дождавшись темноты, батальон Леоненко с капитаном Шапошниковым пошел на прорыв. Развернувшись в боевой порядок метров на пятьсот по фронту, только перед самым шоссе батальон наткнулся на небольшую группу автоматчиков. Когда роты дружно поднялись в атаку, ведя на ходу беглый огонь из винтовок, немцы разбежались по сторонам. К шоссе вышли спокойные. Справа и слева метрах в пятистах видны были бронетранспортеры за обочинами, а впереди – только лес.

Подав команду «Вперед!», Шапошников, а за ним и все роты батальона быстро перемахнули через шоссе. Несколько сот метров цепи, по тихо отдаваемым командам на ходу соби-

раясь в колонны взводов и рот, шли молча, как вдруг лес осветила яркая вспышка и тут же раздался истошный крик.

– Что такое? – оглянулся капитан Шапошников.

Оказалось, что кто-то из бойцов наткнулся в темноте на дерево, уронил бутылку с горючей смесью, и она почему-то вспыхнула. Его предсмертный крик смолк через несколько секунд, вспышка огня тоже быстро погасла.

Убедившись, что противника вблизи нет, Шапошников, как это было обговорено заранее, приказал Леоненко развернуть батальон метрах в пятистах лицом к шоссе, а сам со своим штабом пошел лесом к Сожу.

Было тихо, лишь где-то справа на шоссе стрелял пулемет, но чувствовалось, что бьет он не прицельно. Шапошников шел быстрым шагом, изредка оглядываясь по сторонам, и когда минут через сорок лес неожиданно кончился, он, увидев ленту реки, кустарник за ней и огромное поле, поймал себя на мысли, что куда он посмотрит – там наши, немцев нет.

– Тюкаев, – позвал Шапошников своего помощника, – берите коня и скачите обратно. Найдите Горбунова, передайте – пусть идет следом за нами как можно скорее. Найдите полковника Малинова, доложите, что второй батальон перешел шоссе и развернулся, чтобы обеспечить переход остальных частей.

Глядя, как лейтенант Тюкаев садится на лошадь без седла и как его длинные ноги болтаются чуть не до земли, Шапошников подумал: «Удачно проскочили, просто не верится... Если там промедлят хотя бы час, будет гораздо хуже. Немцы нас, конечно, уже засекли и поняли, что прорывается крупная часть, теперь подтянут сюда силы. Тогда остальным придется прорываться действительно с боем».

За Сожем, когда рассвело, Шапошников встретил группу командиров и среди них своего однокашника по Рязанской пехотной школе подполковника Тер-Гаспаряна. Тот искренне обрадовался встрече, но у Шапошникова, хотя он тоже рад был встретить друга, настроения вспоминать прошлое не было.

– Кричев у немцев или наш? Могилев держится? – спросил Шапошников у Тер-Гаспаряна.

– Немцы в Кричеве два дня. Про Могилев не слышал, чтобы оставили. Знаю, что немцы уже в Смоленске.

– Да ты что?

– Я тоже не верил. А мы вот третий день Пропойск то возьмем, то опять сдадим.

– Ты в какой дивизии?

– Пятьдесят пятая мотострелковая. Хотя – давно уже просто стрелковая.

Шапошников услышал густую пулеметную и автоматную стрельбу в том месте, где должен был идти батальон майора Московского. Через несколько минут стрельба началась и на участке прорыва батальона полка Корниенко.

Еще на подходах к шоссе майор Московский вызвал командира приданной батареи старшего лейтенанта Похлебаева, своего адъютанта старшего лейтенанта Воробкина и политрука Андрианова, и, когда они подошли, устало опустил на траву.

– Как будем действовать? Задачу вы все знаете, – майор Московский сделал паузу и вдруг виновато сказал: – Что хотите со мной делайте, но командовать батальоном я сейчас не смогу. Устал смертельно, на ходу сплю... Брать сейчас на себя ответственность – значит подвергать риску всю операцию и жизнь сотен людей.

Политрук Андрианов, высокий, худой, с красными от бессонницы глазами, после минутного тягостного раздумья предложил:

– Может быть, временно выберем нового командира? – и поглядел на Похлебаева. Он знал, что в первом бою тот некоторое время командовал батальоном.

– Я согласен, – произнес лейтенант Воробкин, глядя на Похлебаева.

– Товарищ старший лейтенант, беритесь, – сказал Похлебаеву Андрианов.

Похлебаев посмотрел на отрешенно сидевшего майора Московского, провел руками по ремню, словно заправляясь, и ответил:

– Согласен. Но если вы мне доверяете, то и мои приказы выполнять беспрекословно. Бойцам об этом говорить не будем, и вообще – если выйдем, вспоминать об этом ни к чему. Сейчас надо послать разведку к шоссе. Товарищ майор, вам лучше быть с первой ротой.

Выслав разведку, отделение стрелков, и не дождавшись ее возвращения, Похлебаев отправил к шоссе вторую группу, политрука Андрианова со взводом. Чутко прислушиваясь к звукам, он так и не услышал стрельбы с направления, куда ушла вторая группа. Стреляли, но редко и где-то левее. Продав еще полчаса и разозлившись, что обе группы наверняка уже перемахнули шоссе, а возвращаться бояться, Похлебаев приказал ротным разворачивать свои взводы в боевой порядок, а батарею направил к шоссе по узкой просеке.

Метров триста батальон, стараясь ступать тихо, прошел спокойно, но когда деревья впереди поредели, и до шоссе оставалось метров двадцать – им навстречу защелкали выстрелы. Цепи, открыв недружный огонь из винтовок, залегли.

– «Кукушки»! Воробкин, видите? – ложась и дергая его за рукав, сказал Похлебаев, – Вон на дереве сидит, подлец.

– У нас же счетверенная установка есть!

– Ну-ка давай ее сюда, пусть прочешет!

Минут через пять в беспорядочный треск винтовок уверенно вплелся густой перестук счетверенной зенитной установки.

Похлебаев, чувствуя мстительное удовлетворение, что с верхушек сосен летят во все стороны не только щепки – он видел, как упали четыре трупа, выбрал момент после того, как пулемет прочесал сосны по второму заходу, и громко крикнул:

– Первая рота – вперед!

Несколько десятков бойцов плотной массой быстро перебежали шоссе.

Стрельба с деревьев прекратилась, Похлебаев хотел отдать приказ на бросок второй роте, как вдруг услышал шум мотоциклов на шоссе. Теперь перебегать было опасно, тем более что от шоссе лес здесь стоял довольно далеко, метрах в ста.

– Мотоциклы! Десятка два! – крикнули от шоссе.

– Пулеметы – на обочину! – дал команду Похлебаев.

Через пару минут, точно споткнувшись обо что-то, три мотоцикла летели, кто вправо, кто влево от дороги на обочины, остальные, частью развернувшись, открыли огонь наугад.

Похлебаев решил было, что бой с мотоциклистами займет не более нескольких минут, но гитлеровцы, спешившись и быстро организовавшись, открыли такой плотный и точный пулеметный и автоматный огонь, что о броске через шоссе не могло быть и речи.

Похлебаев послал один взвод вдоль шоссе, чтобы зайти немцам с фланга, с той стороны дороги тоже стали активнее вести огонь, но и гитлеровцы, не жалея патронов, прижимали стрелков к земле.

Время шло, стрельба, если и стихала на минуту-другую, потом опять вспыхивала с новой силой. Похлебаев уже прикидывал, как бы поставить против мотоциклистов орудия его батареи. – «Два часа возимся», – удивился он, взглянув на часы. Бой явно затягивался, нужно было принимать какое-то решение.

От немцев в стрельбу вплелись очереди крупнокалиберных пулеметов, потом гулко ударили танковые пушки.

– Три танка подошли, товарищ старший лейтенант, – крикнул Похлебаеву подбежавший лейтенант Воробкин.

– Марычев! Давай свое орудие на прямую наводку к обочине! – крикнул Похлебаев и подумал: «На тебя вся надежда. Если хотя бы один танк подожжем, то, может быть, и мотоциклисты смоются».

Георгий Похлебаев, видя, как с десятков артиллеристов бегом выкатили и развернули орудие, как опускается ствол и одновременно заряжающий загоняет снаряд, и, понимая, что быстрее, чем они это делают, делать уже невозможно, все же мысленно подгонял: «Быстрее... Быстрее...».

Наконец, первый снаряд полетел в танк. Второй, третий. – «Торопишься!», – хотел крикнуть Георгий, но от четвертого снаряда передний танк быстро окутался дымом, через секунду-две левее орудия разорвался снаряд и Похлебаев увидел, как упал на спину со снарядом в руках кто-то из расчета. Еще через мгновение вспыхнул второй танк, а уже через минуту, не больше, как-то разом стихли автоматные очереди, а третий танк, круто развернувшись, укатил в сторону Кричева.

«Если сейчас не поднимемся, то целый день пролежим», – подумал Похлебаев и, набрав в легкие воздуха, громко и уверенно крикнул:

– Батальон! Вперед! Вперед! – и видя, как из-под деревьев со всех сторон поднимаются и бегут бойцы, поднялся и сам.

Пропустив последнюю упряжку с орудием, которая пронеслась, как сумасшедшая, он в три прыжка последним из батальона перескочил шоссе.

Через триста метров, когда бойцы разобрались по взводам и отдышались, Похлебаев дал команду «Стой!».

Посчитав своих людей, ротные доложили майору Московскому, а тот сказал Похлебаеву, что убитых в батальоне всего пятеро, но раненых около пятидесяти.

«Будем считать, что еще раз повезло», – устало подумал Похлебаев.

На берегу Сожа большая группа саперов рубила лес на переправу. Человек тридцать подносили бревна, а остальные, перекинув через реку стальной трос, перетаскивали по дну орудия.

Из леса к реке подходили все новые группы запыхавшихся бойцов, многие, не раздеваясь, бросались в воду и плыли на тот берег.

Шапошников и Васильчиков, отвечавшие за порядок на переправе, громче, чем обычно, подавали команды растерявшимся после прорыва группам, то и дело подходили от одной к другой, что-то объясняли, кого-то торопили, кого-то осаживали – из-за шоссе с каждой минутой нарастал поток людей и техники.

Политрук саперной роты 771-го полка Сергей Моисеев, высокий, худой, с охрипшим голосом, подгонял своих саперов, которые и без того валились с ног:

– Ребята! Давай скорее, мост нужен срочно!

Надо было придумать, как и чем забивать сваи для моста, но в суматохе ничего не приходило в голову. Пока орудия перетаскивали по дну тросами, но как быть, когда соберутся автомашины? А они уже выскакивали из леса одна за другой на бешеной скорости, резко тормозили у самой воды, шофера выскакивали из машин и, сломя голову, бежали к реке.

– Куда вы? Стойте! Стойте! – услышал Шапошников пронзительный женский крик. Это была Аня, машинистка штаба полка.

Девушка бегала вдоль берега, громко кричала, стыдила шоферов, которые, бросив свои машины, переплывали Сож.

«Надо же, возвращаются, – удивился Шапошников. – Вот так девчонка!». А через несколько минут, бросив взгляд в сторону сгрудившихся левее переправы машин, Шапошников увидел, что они колонной выстраиваются к переправе, а Аня что-то докладывает группе командиров-артиллеристов, которые руководили перетаскиванием орудий тросами.

К Шапошникову подошел лейтенант Степанцев:

– Все спецподразделения полка переправлены, товарищ капитан. Только кухню утопили.
– Кухню... Мы вот машину с документами полка никак не вытащим, – с досадой сказал Шапошников.

Лейтенанту Степанцеву, хотя с ним и был большой обоз, удалось проскочить шоссе едва ли не удачей всех. Получив от Шапошникова приказ на прорыв, Степанцев, пока выстраивал и подтягивал обоз, а набралось несколько десятков подвод и не менее двухсот человек, потерял брешь, в которую проскочил батальон Леоненко. На подходах к шоссе Степанцеву попался бешено мчавшийся навстречу грузовик с незнакомым капитаном на подножке: – «Куда? Там немцы!». Почти следом за машиной показался немецкий броневик, встал и начал неторопливо и густо поливать свинцом все, что видел перед собой. Повозки шарахнулись, прячась за кустами, замерли, люди минут тридцать пролежали, не поднимая головы. Когда броневик, наконец, уехал, Степанцев снова построил свою колонну, прислушался, где на шоссе стрельба стояла пореже, и дал команду двигаться туда.

Подобравшись по-пластунски к обочине, он, посмотрев направо и налево – ни немцев, ни их танков не было видно, – махнул рукой первому ездovому. Повозки одна за другой с грохотом перескочили через шоссе, рядом с ними торопливо, озираясь по сторонам, перебежали бойцы.

Степанцев догнал голову колонны, когда она углубилась в лес. Скоро он, немало удивившись, встретил в лесу старика.

– Дедушка! Как лучше выйти к Сожу? – спросил его Степанцев. – Выручай!

Старик, встрепенувшись и весь как-то собравшись, бодро сказал:

– А давайте провожу! Там ваши переправляются, я покажу.

И старик, назвавшись Степанцеву дедом Прокопом, без всяких происшествий, лесом, выбирая, где погуще, вывел всю их колонну прямо к переправе за каких-то полчаса.

– Ну, дедушка, спасибо! Век вас не забудем, – пожал ему Степанцев руку на прощанье.

Часам к четырем дня после новой яростной вспышки стрельбы поток людей, автомашин и повозок снова усилился, и капитан Шапошников, узнав в подъехавшей «эмке» Гришина, Канцедала, Яманова и Смолина, быстро пошел к машине.

Полковник Гришин вышел из машины, махнул шоферу, чтобы ехал к переправе и пошел навстречу Шапошникову.

– Как тут дела? – здороваясь за руку, спросил Гришин.

– Переправились два батальона нашего полка, а Леоненко оставил на подступах к шоссе с нашей стороны, как было приказано.

– Не видел я их, – удивленно бросил Гришин.

– Левее переправился батальон 409-го полка, – продолжал доклад Шапошников, – сейчас переправляем батарею арtpолка Смолина.

– Где у тебя замполит?

– На той стороне Сожа, проверяет оборону в батальоне Горбунова.

– А Малинов где? – спросил Гришин.

– Полковник Малинов на той стороне шоссе, выводит тыловые подразделения. Я послал за ним лейтенанта Тюкаева, – ответил Шапошников, стараясь говорить увереннее.

На самом деле все тыловые подразделения полка вышли и за шоссе могли остаться только мелкие группы полка, которые по каким-то причинам отстали или заблудились. Сказать прямо, что он не знает, где сейчас полковник Малинов и чем он занимается, Шапошников не мог – боялся подвести своего командира.

– Назначаю временно командиром полка, – неожиданно сказал полковник Гришин и, глядя на переправу и на плывущих по реке бойцов и лошадей, спросил: – Кто придумал тро-сами перетаскивать орудия?

– Политрук саперной роты Моисеев организовал.

– А почему мост бросили строить?

– Сваи забить не смогли. Течение сильное. Да и нечем забивать. А вы как прошли шоссе, товарищ полковник, все нормально?

– «Прошли», пролетели! Выкатили орудия на шоссе, как дали по сторонам... Трофим Григорьевич, – позвал Гришин полковника Смолина, – как тому лейтенанту фамилия, что три танка подбил?

– Лебедев, Иван Тихонович.

– Вот он все и сделал. Сначала подавил минометную батарею, а потом, когда остался один из расчета, сумел поджечь три танка. Смолин! – снова повернулся к нему Гришин. – Не забудь на него наградной лист написать. Я буду в Христофоровке. Как только батальон связи Лукьянюка выйдет – немедленно его ко мне, – сказал он Шапошникову, – а пока связь ко мне пусть твои протащат. Кто там у тебя, Денисенко, кажется?

– Не хватит провода, товарищ полковник, – ответил Шапошников, – далеко.

Гришин ушел на переправу, а Шапошников, глядя на толпившихся там людей, упряжки с орудиями и автомашины, задумался: «Что же, в самом деле, случилось с Малиновым? И Тюкаев что-то долго не возвращается...».

Лейтенант Вениамин Тюкаев, посланный Шапошниковым разыскать полковника Малинова, выломал сосновый сук вместо уздечки и уверенно забрался на обозную лошадь без седла.

Тюкаев спокойно переплыл на лошади Сож, не встретив ни одной живой души, проехал сосновый лес и уже увидел за деревьями ленту шоссе, как вдруг услышал сзади:

– Рус! Иди сюда!

Один из троих немцев, в полный рост стоявших под соснами, призывно и весело махнул к себе рукой.

Тюкаев, будто его ошпарили кипятком, ткнул суком в бок лошади и она тут же рванулась вскачь. Сзади хлестнули автоматные очереди и лошадь, словно споткнувшись, полетела наземь. Тюкаев через ее голову упал на середину шоссе, быстро скатился в кювет и, не глядя под ноги, побежал через кусты. На шаг он перешел через несколько минут, когда заметил справа наше орудие и группу бойцов.

Полковника Малинова ему удалось найти довольно быстро. Тюкаев доложил, что 2-й батальон перешел шоссе и занял оборону, где ему было указано. Малинов дал ему свою «эмку», Тюкаев быстро съездил в батальоны Московского и Горбунова, уточнил задачи на прорыв и вернулся.

– От машины никуда не уходить, я скоро вернусь, – приказал ему Малинов и куда-то ушел.

Незаметно наступила ночь и в расположении частей, которые еще не перешли шоссе – в артполку майора Малыха – вспыхнула беспорядочная стрельба: действовали немецкие диверсанты.

Лейтенант Тюкаев до рассвета ждал своего командира полка, как ему и было приказано, а когда стало совсем светло, они с адъютантом командира все же решили ехать его искать. Через несколько сот метров их машину обстреляли. Тюкаев, адъютант и водитель едва успели выскочить, и убежали в лес.

У Александровки – 1-й Тюкаев снова встретил полковника Малинова. Он был хмурым, на лице – печать бессонной ночи.

– Где машина, Тюкаев?

– Немцы сожгли, товарищ полковник.

– Почему не оставались на месте, как я приказал?

– Вы же впереди, а мне кого ждать, немцев? – с обидой ответил Тюкаев, – Мне с вами, товарищ полковник? – спросил он, видя, что Малинов садится в броневик.

– Мне самому тесно, – со злостью ответил он, захлопывая дверь.

Броневи́к медленно поехал по направлению к шоссе, а Тюкаев и адъютант, молоденький младший лейтенант, который тоже не получил никаких приказаний, постояв немного, пошли к группе командиров, которые, собираясь перекусить, расположились под соснами.

Встретив среди них знакомых – капитана Лукина, начальника штаба 409-го полка, лейтенанта Терещенко с батареей и лейтенанта Агарышева с парой похлебаевских орудий – Тюкаев решил держаться с ними.

Минут через пятнадцать на них пошли в атаку немцы – пехота с несколькими танками, машин пять-шесть. Танки быстро загорелись, подбитые батареей Терещенко, и, воспользовавшись этим, капитан Лукин поднял людей в контратаку. Все быстро побежали к шоссе.

Тюкаев осколком мины был легко ранен в ногу, но продолжал бежать, не обращая внимания на боль. Сзади загорелся лес, начали рваться оставленные в машинах боеприпасы, колонна которых стояла на просеке. Пожар, раздуваемый ветром, охватил, казалось, весь лес.

Тюкаев, задыхаясь, бежал вслед за упряжками с орудиями батареи Терещенко, пока, совсем не обессиленный, не упал перед самым шоссе. Мимо проносились повозки, пробегали люди, беспорядочно стреляя по сторонам.

К месту прорыва подошли еще несколько немецких танков. Они щедро поливали свинцом людей, большими группами выбегавших из горящего леса.

К реке Тюкаев вышел часа через два. Там он, удивившись и обрадовавшись, встретил Терещенко, который руководил переправой своих орудий.

– Вышел? – спокойно спросил он Тюкаева. – А я видел, как недалеко от тебя мина разорвалась. Думал – конец тебе.

– Я сгоряча и не почувствовал, что ранен. А тут что-то в сапогах хлупает...

– Мы с Ивановым как шоссе перемахнули на конях – на танк напоролись. Бил он с просеки, как нас не задел – не знаю. Кони, молодцы, вынесли. Ни одного орудия не потеряли.

– Если бы не ты, Борис, всем бы нам крышка, – сказал Тюкаев. – Как ты ухитрился те танки так лихо подбить?

– Так сзади нас гаубицы стояли, полка Малыха, стреляли по шоссе. Немцы весь огонь на них перенесли, тут мы свои сорокапяточки подкатили и – в упор, из-за деревьев. А видел, как Агарышев целую роту пьяных немцев накрыл шрапнелью? Вот он на самом деле и спас нас: пехота опаснее. В упор почти шли – на пушки в контратаку! С десятков спаслось, не больше.

– А я сам бы и не вышел ни за что, – устало перебил его Тюкаев, – Когда вы проскочили, дождался, как танки уйдут на заправку, потом и побрели, человек двадцать нас было. У поля с гречихой на автоматчиков напоролись, тут я совсем идти не могу, ладно хоть Кадущин, взводный из батальона связи, помог...

За Сожем Тюкаев нашел Шапошникова, кратко доложил ему о всех своих действиях и узнал, что через шоссе пробились все три батальона их полка, обе артбатареи и обоз.

– Молодец, к ордену Красного Знамени представление подготовлю, за обеспечение вывода полка из окружения, – сказал Шапошников Тюкаеву и отправил его отдыхать. [1]

А полковника Малинова все еще не было. Из-за шоссе то и дело прорывались мелкие группы отставших бойцов, но полковника Малинова не было и с ними. Две группы разведчиков, посланные Шапошниковым для его розыска, вернулись ни с чем.

497-й гаубичный арtpолк майора Ильи Малыха на подступы к Варшавскому шоссе вышел в полном составе. Вся матчасть была еще цела, но за полком тянулся большой обоз с ранеными. Посоветовавшись со своим замполитом старшим политруком Николаем Ивановым, Малых решил часть раненых – тяжелых, нетранспортабельных, а таких набралось 130 человек, – оставить в одной из лесных деревушек на попечение местных жителей. Рисковать их жизнями он не имел права, да и обоз с ранеными сковывал полк.

С ранеными остались фельдшер Гоев и санинструктор Маличев. Остались, не зная, что их ждет, и не представляя, что они будут делать с таким количеством раненых...

Сам майор Малых накануне тоже был ранен. В ногу, осколком бомбы. К счастью, легко, но вне машины передвигаться мог только на костылях, которые, к его удивлению, оказались в санчасти – везли их из самого Муромы. Малых знал, что прорыв через шоссе будет 19-го, но весь день 18 июля он не имел связи со штабом дивизии. Полку нужна была конкретная задача, а ее не было.

Полк развернулся в боевые порядки примерно в 3—4 километрах севернее шоссе и как магнит, во всяком случае, больше, чем пехота, притягивал на себя внимание противника. То и дело расположение полка бомбила гитлеровская авиация, несколько раз обстреливала артиллерию, а просачивающиеся автоматчики беспокоящий огонь вели со всех сторон.

Майор Малых нервничал. На КП полка собрались командиры дивизионов, начальники их штабов, ждали приказаний. А он не знал, что сказать своим подчиненным. Разведчики были посланы во все стороны – надо было установить связь с соседями, штабом дивизии, но шло время, а ни одна из групп не возвращалась.

– Когда я буду знать обстановку? – с трудом сдерживая гнев, спросил Малых своего помощника по разведке старшего лейтенанта Сонины. – Сколько можно ждать? Плохо работаете! Я не могу принять решения, не зная обстановки и не имея связи! Немедленно лично поезжайте куда хотите, и чтобы через два часа я знал, какую задачу должен выполнять полк.

Старший лейтенант Михаил Житковский, начальник штаба дивизиона, невольно подумал, что таким бледным и растерянным он своего командира еще не видел, и не слышал, чтобы тот говорил когда-нибудь таким тоном. «Значит, дело совсем плохо», – решил Житковский. Он догадывался, что вскоре им придется пережить что-то гораздо более страшное, чем то, что было до сих пор. Вся атмосфера на КП была какой-то тягостной. Он вообще впервые слышал, чтобы их командир не знал, что делать. И понимал его: полк постепенно выбивает авиация и артиллерия, а задачи нет, куда им вести огонь – неизвестно. Не в белый же свет, все-таки гаубицы. Двигаться, стоять и ждать ли – ничего не известно. Снарядов еще много, но горючего почти не было, а без него полк просто мишень для авиации.

Старший лейтенант Сонин через два часа не вернулся. Прибежавший боец, который ездил с ним, рассказал, что машина напоролась на засаду, водитель убит, а сам Сонин ранен и, наверное, попал в плен. Спасти его или помочь Сониному отбиться боец не сумел: немцев было много.

Только в первой половине дня 19 июля посыльный майора Малыха наконец-то разыскал штаб корпуса. Письменное распоряжение командира корпуса посыльный в полк доставил без приключений.

«Дать огневой налет по участку шоссе южнее Александровка 1-я, – читал майор Малых, – где скапливаются пехота и танки противника, не менее 700 снарядов. После огневого налета взорвать материальную часть и автомашины и выходить из окружения в пешем строю по маршруту корпуса, форсировать реку Сож и на противоположном берегу реки разыскать свою дивизию».

Майор Малых задумался. Теперь вроде бы хоть что-то стало ясно. Но израсходовать сразу семьсот снарядов! Тогда у него на оружие останется не более пяти-шести. И как это – уничтожить матчасть! Своими руками гробить полк? Это невозможно. Надо постараться вывезти орудия, или, по крайней мере, спрятать в лесу.

Около двух часов с небольшими перерывами полк вел огонь по заданному участку шоссе, обеспечивая прорыв частей дивизии и корпуса. Когда почти все снаряды были израсходованы, майор Малых приказал командирам дивизионам Прошкину и Гусеву снять замки с орудий и надежно укрыть их в лесу, а дивизиону капитана Найды – быть в готовности к переходу шоссе с материальной частью: у него горючего для тракторов и автомашин было побольше. «Вполне

компромиссное решение, – подумал майор Малых, вспоминая приказ командира корпуса, – но где же наши из дивизии, где Гришин? Третий день не вижу и никакой связи с ним...».

Стрельба вдоль шоссе шла около двух часов и майор Малых все больше беспокоился: пройдет ли его разведка через шоссе, выполнит ли задание – найти за Сожем командира дивизии. «Если даже и найдут брешь, то где гарантия, что немцы ее не закроют, пока мы подтягивается к шоссе, – беспокоился Малых, – да и вернутся ли разведчики вообще...».

От усталости и напряжения майор Малых задремал, сидя под деревом. Третья ночь без сна, голова раскалывалась от боли, сознание не воспринимало ни отдельных выстрелов, ни разрывов снарядов и мин, то и дело залетающих в расположение полка. Даже боли от раны Малых уже не чувствовал или привык к ней, поэтому, когда его разбудили и он увидел перед собой младшего лейтенанта Смяткина и сержантов Аленина и Кострикова, которых посылали в разведку за Сож, то подумал, что они ему снятся.

– Командир дивизии полковник Гришин приказал... – слушал Малых доклад Смяткина.

– Вы его видели? Где? – перебил его Малых.

– За Сожем, товарищ майор. Приказал, что если горючего добыть не представляется возможным, то подорвать материальную часть, а личный состав вывести в расположение дивизии с форсированием реки Сож на подручных средствах. Сказал, что лично будет нас встречать, указал место и время.

– Ну, ребята, – с облегчением сказал майор Малых, – вы не представляете, что вы сделали для полка. Проход разведали? Как вы вообще прошли? Полк пройдет?

– Пройти можно, если пойдем дружно и в темноте, – уверенно ответил младший лейтенант Смяткин. – Там, где мы шли, видели всего два танка и бронетранспортер, а пехоты не было совсем. Полк пройдет.

– Николай Константинович, – Малых повернулся к своему замполиту Иванову, который еще не знал, что он с 16 июля не замполит, а комиссар полка, – Поднимайте людей. Через час – готовность к движению. Командиров дивизионов ко мне.

В ночь на 21 июля полк майора Малыха перешел шоссе и вышел к Сожу в месте, указанном полковником Гришиным. Дивизион капитана Найды вывез семь орудий, все, что были перед прорывом, другие два дивизиона оставили свою матчасть в лесу за шоссе, надежно ее замаскировав.

Переход через шоссе прошел вполне благополучно. Немцы вели по колонне только редкий и неприцельный минометный огонь да то и дело прочесывали обочины шоссе густыми трассирующими очередями, которые, как светлячки, медленно гасли в лесу.

Утром 19 июля на подходах к Александровке 1-й колонна автомашин батальона связи капитана Федора Лукьянюка оказалась разрезанной надвое. Забарахлил мотор в машине начальника штаба батальона лейтенанта Волкова и, пока его смотрели, головная часть колонны скрылась из виду. После ремонта этой машины остальная часть батальона, выехав на развилку проселочных дорог, повернула в глубь леса и вскоре оказалась у деревни, где скопилось большое количество людей, лошадей и техники.

С лесной высотки по этому скоплению редкий, но убийственный огонь вела минометная батарея немцев. Кто-то из командиров послал на высотку пехотную роту, а когда наши бойцы вернулись, рассказывая, что минометчиков перекололи штыками, лейтенант Волков приказал колонне уйти в редкий сосновый лесок за деревней, а сам пошел искать комбата, чтобы уточнить маршрут движения.

Радиотехник батальона лейтенант Андрей Червов, высокий, с тонкими чертами лица симпатичный парень, воспользовавшись остановкой, решил заняться ремонтом двух радиостанций. Обычно возиться с радиодетальями он мог часами, но от жары и бессонной ночи Андрей быстро задремал. Он очнулся от близких разрывов, быстро выскочил из машины

и в три прыжка оказался в ближайшей наскоро вырытой щели. Там уже сидели несколько человек, и он с трудом втиснулся между ними. Из густого ельника методично, снаряд за снарядом, стрелял легкий танк, совершенно не обращая внимания на все учащавшиеся винтовочные выстрелы в ответ.

Андрей Червов, видя вокруг убитых, не успевших вовремя спрятаться, и слыша стоны раненых, чувствовал, как постепенно страх сменяется ожесточением. Услышав команду старшего лейтенанта Афонины, командира штабной роты, он вместе со всеми выскочил из щели и бросился к дороге. Длинный веер пуль заставил всех залечь. Андрей, чувствуя у себя на лице муравьев, но боясь пошевелиться, все плотнее вжимался в землю, ощущая, как в нескольких метрах впереди в землю вонзаются пулеметные очереди.

Во время паузы Андрей ползком вернулся в щель. Тишина стояла минуту, слышно было только, как кто-то стонал. Потом Андрей увидел, как из сосняка поднялся немец и махнул рукой: «Рус! Сдавайс!». Он согнулся в пояс от чьей-то меткой пули.

В танке снова заработал пулемет. Сзади послышался шум мотора, Червов оглянулся – ехали два наших броневика. Подойдя к танку метров на двести, они повернули назад, не сделав ни одного выстрела. Немец из танка продолжал стрелять.

Лейтенант Червов заметил, как в полуторку, стоявшую на другой стороне дороги, залез немец, попытался завести мотор, но через минуту вывалился из кабины – стреляли по нему сразу человек десять.

Часа через два, когда у немцев кончился боезапас, танк уполз. В сосняке вставляли с земли, не глядя друг другу в глаза: было стыдно, что один танк, издеваясь, держал под обстрелом и заставил лежать не одну сотню людей.

– Заводи! – услышал Червов команду начальника штаба батальона.

Заработали двигатели нескольких десятков автомашин, и гарь бензина быстро перебила запахи леса и пороха.

– Червов! – услышал Андрей. – Берите двоих бойцов, любую повозку, соберите раненых и догоняйте машины. Мы больше ждать не можем, каждая минута на счету.

Пока Андрей с двумя бойцами грузили раненых на повозку, а их пришлось собирать по кустам и щелям, машины уехали далеко, и все попытки догнать их оказались тщетными. В повозке же было восемь человек раненых, и что с ними делать – Червов не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.